

СДЕЛКА У АЛТАРЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ІАША ВЕББЕР

Таша Веббер

Сделка у алтаря

<https://litres.ru/74351108>

SelfPub; 2026

Аннотация

Отец продал её как разменную монету в опасной игре криминальных кланов. Николь думала, что хуже уже не будет пока не узнала, что её «спасение» — это брак по расчёту с человеком, чьего имени бояться в теневом мире.

«Сделка у алтаря» — о вынужденном союзе, где страсть граничит с опасностью, а доверие приходится заслуживать среди тех, кто привык видеть в слабости приглашение к удару. Сможет ли Николь превратить чужую защиту в собственную силу — или эта сделка поглотит её без остатка?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	40
Глава 9	48
Глава 10	54
Глава 11	55
Глава 12	60
Глава 13	65
Глава 14	70
Глава 15	83
Глава 16	88
Глава 17	93
Глава 18	99
Глава 19	113
Глава 20	124
Глава 21	142

Таша Веббер

Сделка у алтаря

Пролог

Белоснежный шелк тяжелого платья казался Николь не подвенечным нарядом, а саваном.

В старинной частной церкви стояла глухая, почти осязаемая тишина, которую лишь изредка нарушал треск венчальных свечей. Никаких радостных гостей, пышных букетов и вспышек фотокамер. Вдоль высоких каменных стен, скрытых в полумраке, молчаливыми тенями стояли мужчины в темных костюмах. Под их пиджаками угадывались кобуры. Это была не свадьба. Это была передача заложника.

Отец сжимал ее локоть слишком сильно, до синяков, словно боялся, что дочь сбежит прямо из-под венца. Но Николь знала: бежать некуда. В криминальном мире, где правили деньги, сила и кровь, ее жизнь только что стала ценой за долги отца. Простой разменной монетой в чужой опасной игре.

— Не смей позорить меня, — прошипел отец ей на ухо, когда они сделали последние шаги к алтарю. — Скажешь «да», улыбнешься и будешь послушной женой. Ты поняла?

Николь не ответила. Под кружевной фатой ее губы дрожали, а сердце колотилось где-то в горле, задыхаясь от липкого

страха. Она подняла взгляд и встретилась с им.

Олег стоял у алтаря — высокий, статный, в идеально черном костюме. Человек, одно имя которого заставляло дрожать от страха весь теневой город. Карие глаза смотрели на нее без единой эмоции — холодно, сканирующе, как на новое приобретение. В нем не было ничего от романтического жениха. Только хищная грация и абсолютная, нерушимая власть.

Николь невольно вздрогнула, когда Олег чуть наклонил голову, словно оценивая её, будто она была не невестой, а предметом, который он только что приобрёл. На его лице не мелькнуло ни намёка на нежность, ни тени улыбки — лишь холодная уверенность человека, привыкшего получать всё, что захочет.

Когда отец переложил ее дрожащую, ледяную ладонь в широкую и теплую ладонь Олега, Николь обдало жаром. Его пальцы сжались на ее запястье — не больно, но так крепко, что стало понятно: из этой хватки ей уже никогда не вырваться.

Священник говорил правильные, торжественные слова о любви, верности и вечности, но они звучали как насмешка.

— Согласна ли ты, Николь...

Голос пресекся. Она почувствовала, как взгляд Олега тяжелеет, требуя ответа. В этих темных глазах не было жалости, но было кое-что другое — обещание, что с этого момента ее жизнь принадлежит только ему.

— Согласна, — едва слышно прошептала она, подписывая себе приговор.

Олег медленно надел на ее безымянный палец тяжелое кольцо с бриллиантом. Золотой обруч отозвался на коже холодом металлической клетки.

Наклонившись к ней, чтобы сделать обязательный для ритуала поцелуй, Олег едва касаясь губами ее щеки, тихо произнес прямо ей на ухо — так, чтобы слышала только она:

— Добро пожаловать в мой мир, птенчик. Сделка состоялась.

От его шёпота по коже Николь пробежал ледяной озноб, и она едва сдержала дрожь. Запах его парфюма — нотками терпкого табака, кожи и кедра — обволок её, словно невидимая сеть. В этих словах не было ни тепла, ни обещания защиты, лишь холодная констатация факта: пути назад больше нет.

Он чуть отстранился, но не отпустил её руку — наоборот, пальцы его сжались чуть крепче, будто напоминая, что теперь она — его. Его взгляд скользнул по её лицу, выискивая хоть тень эмоций, но Николь усилием воли заставила себя не моргать, не отводить глаз, не показывать, как внутри всё сжимается от ужаса.

Самая опасная ловушка — это то, что однажды она отдаст этому человеку свое сердце сама.

Глава 1

Олегу 37 Николь 22

Выйдя из дверей церкви, Николь сразу почувствовала, как сырой осенний ветер ударил в лицо, заставляя мелкую дрожь пробежать по телу. Затяжной дождь превращал вечерний город в размытое пятно из черных и серых красок.

Свадебное платье, лёгкое и не предназначенное для такой погоды, мгновенно пропиталось влагой и теперь липло к коже, добавляя ощущения беспомощности. Капли стекали по волосам, по щекам, смешиваясь то ли с дождём, то ли с теми слезами, что она так упорно сдерживала. Николь едва успевала моргать, чтобы стряхнуть воду с ресниц, и от этого мир вокруг казался ещё более зыбким, ненастоящим.

Рядом, не сбавляя шага, шёл Олег. Его чёрный костюм ничуть не выглядел помятым или мокрым — казалось, даже дождь обходил его стороной. Он держал её за руку, и этот хват оставался таким же твёрдым, как у алтаря: ни мягче, ни жёстче. Словно он вовсе не замечал ни ветра, ни ливня, ни того, как дрожит она. Для него это была просто дорога к следующей точке плана.

Отец даже не попрощался. Он быстро сбежал по каменным ступеням, сел в свой автомобиль и уехал, не глядя назад. Он получил то, зачем пришел: списание многомиллионного долга и гарантии безопасности для своего бизнеса. Це-

на вопроса — собственная дочь.

— В машину, Николь , — раздался низкий, бархатистый голос Олега. В нем не было злобы, но звучала та безусловная властность, которая не предполагала возражений.

Она едва успела подхватить тяжелый шлейф платья, когда один из телохранителей уже распахнул перед ней дверь черного бронированного внедорожника. Николь опустилась на кожаное сиденье, чувствуя себя абсолютно беспомощной. Секундой позже рядом с ней появился Олег.

От него вечно веяло дорогим парфюмом — нотками терпкого табака, кожи и кедра — и той неоспоримой опасностью, которая заставляла инстинкты Николь кричать об угрозе.

В машине царила тяжелая тишина. Олег достал телефон, сделал пару коротких звонков, давая отрывистые распоряжения по поводу какой-то поставки и усиления охраны на объектах. Своим спокойствием и собранностью он резко контрастировал с ее внутренним хаосом.

Заметив, что Николь обхватила себя руками и едва слышно стучит зубами от холода и нервного перенапряжения, Олег молча сбросил с плеч тяжелый черный пиджак и накинул ей на плечи.

Николь вздрогнула от неожиданного тепла и его запаха, заполнившего всё пространство вокруг.

— Я... мне не холодно, — тихо выдавила она, попытавшись сдвинуть пиджак.

— Не упрямясь, — не поворачивая головы, отрезал Олег.

Его взгляд был направлен на проплывающие за темным стеклом огни ночного города. — Ты бледная как смерть. Мне не нужна больная жена в первый же день.

«Жена». Это слово отозвалось резкой болью где-то под ребрами.

Спустя полчаса машина въехала на территорию огромного загородного поместья. Высокий кованый забор, камеры видеонаблюдения через каждые несколько метров и глухие массивные ворота — все это больше напоминало неприступную крепость или высокотехнологичную тюрьму.

Внутри дом поражал роскошью и холодной стерильностью. Мраморные полы, панорамные окна от пола до потолка, минимум лишних деталей. Никакого уюта. Только сила и статус его владельца.

— Поживешь пока на втором этаже, — произнес Олег, снимая часы и кладя их на консольный столик в холле. Его подчиненные застыли у входа, ожидая указаний. — Экономка покажет тебе твои комнаты.

Николь сжала кулаки, пытаясь собрать остатки мужества. Она повернулась к нему, прямо глядя в эти стальные глаза:

— И что теперь? Каковы мои обязанности в этой... сделке? Я должна просто сидеть здесь под замком?

Олег медленно сократил дистанцию между ними. Он был намного выше ее, и Николь пришлось запрокинуть голову, чтобы удержать зрительный контакт. В его глазах мелькнула тень интереса — словно его удивило, что у «птенчика» есть

проявления характера.

— Ты свободна делать все, что угодно в пределах этого дома и территории, — спокойно сказал он, наклоняясь чуть ближе. — Но за ворота — только в сопровождении моей охраны.

— Твоя главная обязанность — не создавать мне проблем и помнить, чью фамилию ты теперь носишь.

— А если я откажусь играть по твоим правилам? — ее голос дрогнул, но взгляд оставался твердым.

Олег чуть заметно усмехнулся. В этой ухмылке проглянуло нечто хищное и темное.

— Николь, твой отец продал тебя, чтобы спасти свою шкуру. У тебя больше нет дома, нет его защиты. Теперь твой единственный защитник и твой единственный хозяин — я. И поверь, со мной лучше не воевать.

Он сделал паузу, окинув ее взглядом — от растрепавшихся светлых локонов до дрожащих губ.

— Что касается... супружеского долга, — его голос стал тише, приобретя опасные интонации, — можешь не дрожать так сильно. Я не беру то, что не отдают добровольно. По крайней мере, пока.

Он жестом подозвал пожилую женщину в строгом костюме, замершую неподалеку:

— Марта, проводи мою жену в ее покои.

Не дожидаясь ответа, Олег развернулся и направился в сторону своего кабинета, оставляя Николь стоять посреди

огромного, чужого холла.

Спустя час Николь сидела на краю огромной кровати в отведенной ей спальне. Ей удалось сбросить тяжелое подвечное платье и смыть макияж, но ощущение скованности так и не прошло.

Она подошла к окну. Внизу, в полумраке сада, были видны силуэты вооруженных людей, патрулирующих территорию. Выхода не было.

Она взглянула на свое отражение в темном стекле и провела пальцем по тяжелому золотому кольцу на правой руке. Олег думал, что сломал ее в первый же день. Но Николь дала себе слово: она не станет просто послушной куклой в его золотой клетке. Даже если для этого придется пройти через ад.

Глава 2

Утро не принесло облегчения. Утреннее солнце едва пробивалось сквозь плотные шторы, заливая спальню бледным, ненавязчивым светом. Николь долго лежала на широкой кровати, глядя в потолок и пытаясь осознать: вчерашний день не был кошмарным сном. Она действительно выскочила замуж за человека, которого все в этом городе называли опасным хищником.

Поднявшись, она обнаружила в гардеробной несколько комплектов новой одежды её размера — от простых джинсов и уютных свитеров до вечерних платьев. Олег предусмотрел всё. Это опекала её не забота, а расчетливый контроль. Одевшись в простые джинсы и бежевый свитер, Николь спустилась на первый этаж. В доме царила тишина, нарушаемая лишь тихим тиканьем напольных часов.

В столовой ее уже ждал накрытый стол: свежесваренный кофе, фрукты, тосты. За гладким овальным столом из темного дерева сидел Олег. На нём была строгая белая рубашка с расстегнутыми верхними пуговицами и свернутыми до локтей рукавами. В руках он держал планшет, сфокусировав взгляд на документах.

При появлении Николь он поднял глаза. Его взгляд — внимательный, цепкий — прошелся по ней, зафиксировав каждую деталь.

— Доброе утро, Николь. Садись, — произнес он тем же ровным голосом, указывая жестом на место напротив.

— Доброе, — ответила она, заставляя себя идти твердым шагом. — Если его можно назвать добрым.

Она села, но к еде не прикоснулась, лишь обхватила пальцами чашку с горячим кофе. Тепло слегка успокаивало дрожащие пальцы.

— Тебе нужно поесть, — сказал Олег, откладывая планшет в сторону. — Ты вчера почти ничего не ела.

— У меня нет аппетита. И у меня есть вопросы.

— Я слушаю. — Олег откинулся на спину кресла, скрестив руки на груди. В его позе считывалась полная уверенность человека, контролирующего ситуацию.

— Мои вещи, — четко произнесла Николь. — Мой телефон, документы, ноутбук. Я хочу получить их назад. У меня есть учеба, у меня были свои планы и жизнь до того, как вы с отцом решили сыграть в эту сделку.

Олег легким движением достал из кармана брюк новый смартфон в черном чехле и положил его на стол перед ней.

— Твой старый телефон уничтожен. Документы у меня в сейфе. Учебу в университете ты продолжишь, но дистанционно — по крайней мере, ближайшие пару месяцев.

Николь вспыхнула:

— Уничтожен?! Какое право ты имел трогать мои личные вещи? Там вся моя жизнь! Контакты, фотографии, записи!

— Право силы и здравого смысла, — спокойно перебил

её Олег. Его голос звучал жестче, сталью разрезая её возмущение. — Твой отец влетел не просто на деньги. Он влез в долги к людям, которые не берут выкуп деньгами. Они берут жизнями. Твой старый телефон был на прослушке. Если бы ты включила его, через тридцать минут к этому дому приехали бы те, кто не стал бы разговаривать с тобой так, как разговариваю я.

Николь замерла. Воздух словно застрял у неё в груди.

— Что... что это значит?

— Это значит, — Олег подался вперед, опираясь локтями о стол и фиксируя её своим тяжелым взглядом, — что для внешнего мира ты сейчас находишься под моей абсолютной защитой. Но для врагов твоего отца ты — идеальная мишень, чтобы надавить на него или на меня. Поэтому никаких старых сим-карт, никаких социальных сетей под своими именами и никаких неконтролируемых прогулок.

— В этом телефоне забиты только три номера: мой, моего начальника охраны и экстренная связь.

— Ты делаешь из меня пленницу, — тихо сказала она, ощущая, как вокруг нее сжимается кольцо.

— Я сохраняю тебе жизнь, Николь, — отрезал он. — И прошу от тебя лишь одного — дисциплины.

В этот момент в столовую быстро вошел высокий мужчина крепкого телосложения с короткой стрижкой и шрамом на подбородке. Это был Макар, правая рука Олега.

— Олег Сергеевич, — отрывисто произнес он, бросив бег-

лый взгляд на Николь. — Из города вести. Люди Завьялова активизировались. Вчера ночью они искали её, — он чуть заметно кивнул в сторону Николь. — Заходили в её старую квартиру.

В столовой повисла звенящая тишина. Николь почувствовала, как по спине пробежал мороз. В её квартире? Где она еще три дня назад спокойно пила чай и готовилась к экзаменам?

Олег не выразил ни малейшего удивлений. Его лицо превратилось в непроницаемую маску.

— Усилить охрану периметра, — сухо приказал Олег. — И найдите мне Завьялова. Пора напомнить ему, чья это территория.

— Понял, — Макар коротко кивнул и так же быстро исчез.

Олег повернулся к Николь. На её лице не осталось ни капли румянца.

— Теперь ты понимаешь, с чем мы имеем дело? — его голос звучал без издевки, почти мягко, но от этого было не менее страшно. — Это не игра и не каприз. Твой отец сбежал из страны сегодня ночью, бросив тебя здесь. Ты для него — отработанный материал.

Слова Олега ударили точнее любого оружия. Отец сбежал? Оставил её одну?

Николь сжала губы в тонкую линию, изо всех сил сдерживая подступающие слезы. Внутри нее что-то оборвалось —

последняя нить, связывавшая её с прошлым.

— Он... действительно уехал? — едва слышно спросила она.

— Да. И обратно он не вернется.

Олег поднялся с места, подошел к ней и остановился за спиной. Николь ощутила тепло его тела, замерла, не смея обернуться.

— У тебя больше нет его. Но у тебя есть я, — тихо произнес он над самым её ухом. Его рука на секунду легла на её плечо, ощутимо сжав его, давая некое подобие опоры. — Я не обещаю тебе сказки, Николь. Но пока ты носишь мою фамилию и слушаешься меня, ни одна сука в этом городе не тронет тебя и пальцем.

Его прикосновение обжигало через ткань свитера. Николь закрыла глаза, слушая ритмичный стук своего сердца. Она ненавидела ситуацию, в которой оказалась. Ненавидела своего отца. Но, глядя на стоящего рядом человека, она впервые осознала опасную истину:

Олег был монстром. Но он был её монстром. И прямо сейчас он оставался единственной преградой между ней и бездной.

Глава 3

Слова Олега о предательстве отца обжигали изнутри, так, что было трудно дышать.

Я сидела в кресле у панорамного окна в своей новой спальне, поджав ноги и обняв колени. На столе лежал новый телефон — черный, тяжелый, с немym экраном. В нем было всего три контакта, и ни один из них не принадлежал кому-то из моего прошлого. Ни подругам, ни однокурсникам, ни отцу, который просто вычеркнул меня из жизни, спасая собственную шкуру.

Я провела большим пальцем по гладкому обручальному кольцу. Оно казалось тяжелым кандалным браслетом. Вчера я была обычной студенткой медицинского университета, мечтала стать хирургом и строила планы. Сегодня я — законная жена Олега Орлова, человека, чье имя в этом городе произносят полупшепотом.

Послышался тихий стук в дверь, и в комнату вошла Марта с подносом.

— Николь Андреевна, я принесла вам травяной чай. Олег Сергеевич просил проследить, чтобы вы отдохнули, — произнесла она с мягкой, почти материнской улыбкой.

— Спасибо, Марта, — тихо ответила я, глядя на дымящуюся чашку. — Скажи... он всегда такой?

Она замерла, аккуратно расправляя салфетку.

— Какой «такой», милая?

— Холодный. Жестокий. Он управляет людскими судьбами так, словно двигает фигуры на шахматной доске», — ответила я, с горечью осознавая, как легко он переставляет жизни, как пешки.

Марта вздохнула и на секунду прикрыла глаза.

— Олег Сергеевич рано узнал, что такое предательство и кровь. В его мире слабость равна смерти. Но поверь моему опыту, милая: за всю свою жизнь он ни разу не причинил вреда тому, кто не заслужил этого. Он бывает суров, но он держит слово. А в наше время это дороже любых денег.

Когда Марта ушла, её слова долго эхом отзывались в моей голове. «Держит слово». Но какова цена этого слова?

К вечеру тишина огромного дома стала невыносимой. Я не привыкла просто сидеть и ждать неизвестно чего. Мне нужно было увидеть его. Нужно было понять, во что именно я влипла и какова моя реальная роль в этой игре.

Я спустилась на первый этаж и направилась к кабинету Олега. Из-под массивных дубовых дверей выбивалась полоска света. Я не решалась зайти, глубоко вдохнула, укрощая дрожь в руках, и коротко постучала.

— Войди, — отозвался его голос.

Я толкнула дверь. Кабинет был оформлен в темных тонах: кожаная мебель, стеллажи с книгами от пола до потолка и массивный стол из темного ореха. За ним сидел Олег. На столе перед ним лежали какие-то документы и... кобура

с пистолетом. При виде оружия у меня на секунду перехватило дыхание, ноги стали ватным, но я заставила себя не отводить взгляд.

Олег отложил ручку и откинулся на спинку кресла. Его пронзительный взгляд медленно скользнул по мне — от растрепанных волос до домашних тапочек.

— Не спится? — спросил он.

— Зачем я тебе? — прямо спросила я, сделав несколько шагов к столу. — Не говори мне про долг отца. У тебя достаточно денег, чтобы забрать у него весь бизнес, недвижимость, счета. Ты мог просто разорить его. Зачем тебе фиктивный брак с девчонкой, которая тебе обуза?

Олег долго молчал, и в этой тишине было столько напряжения, что воздух, казалось потрескивал. Затем он медленно поднялся из-за стола. На нем не было пиджака, только темная рубашка с расстегнутым воротником, подчеркивающая широкие плечи.

Он подошел ко мне, вынуждая меня оставаться на месте, хотя все инстинкты приказывали отступить.

— Ты думаешь, это просто долг?

— его голос звучал тихо, с опасным хрипловатым оттенком. Он остановился в шаге от меня. От него веяло уже знакомым ароматом кедра и табака. — Твой отец не просто проиграл деньги. Он попытался продать информацию обо мне Завьялову. Попытался подставить под удар моих людей.

Я ахнула, почувствовав, как земля уходит из-под ног.

— Он... он не мог...

— Еще как мог, — сурово перебил Олег. — Он думал, что стравит нас, а сам уйдет в тень. Но Завьялов поставил условие: если отец не отдаст тебя в качестве гаранта их договора, его убьют. Твой отец пришел ко мне на коленях. Он молил спасти его и предложил отдать тебя мне — лишь бы Завьялов не добрался до него.

Каждое его слово рушило иллюзии моего детства. Отец не просто бросил меня. Он торговал мной, как товаром на базаре, перекидывая из одних опасных рук в другие.

— И ты... согласился? — мой голос превратился в шепот.

— Я не мог допустить, чтобы ты попала к Завьялову, — жестко произнес Олег. Он протянул руку, и его длинные, теплые пальцы осторожно коснулись моего подбородка, заставляя меня поднять голову и встретиться с его темными глазами. — Завьялов не оставляет свидетелей и не умеет обращаться с женщинами. Мой брак с тобой — это единственный документ, который юридически и по законам нашего мира делает тебя неприкосновенной. Теперь ты — Орлова. Любая попытка навредить тебе — это прямая объявление войны мне.

Его прикосновение обжигало кожу. В его глазах не было злобы или похоти — только тяжелая, несокрушимая власть и странная, темная защита.

— Я не стану обещать, что будет легко. Или что ты когда-нибудь будешь смотреть на меня без ненависти. Но я обе-

щаю, что ты останешься жива. И никто не посмеет тронуть тебя безнаказанно.

— Значит... ты спас меня? — прошептала я, чувствуя, как к горлу подступает ком.

— Я сделал то, что посчитал нужным, — ответил он, не выпуская моего подбородка. Большим пальцем плавно провел по моей нижней губе, заставив мое сердце сделать сумасшедший кувырок. — Но не думай, что это сказка, Николь. В этом мире за всё приходится платить. Завтра вечером мы идем на прием. Там будут все — и мои союзники, и наши враги. Ты будешь одета как королева и будешь улыбаться так, будто безумно влюблена в своего мужа.

— А если я не смогу сыграть эту роль? — спросила я, затаив дыхание. Мы стояли так близко, что я ощущала ритм его дыхания.

Олег чуть наклонился к моему уху, и его горячее дыхание обдало шею:

— Сможешь, — тихо, но с такой уверенностью, будто это не обещание, а установленный факт, произнёс Олег. Его пальцы чуть скользнули вниз, коснулись шеи, и от этого прикосновения по коже побежали мурашки — не от страха, а от чего-то куда более сложного. — Потому что у тебя нет другого выбора. Но и не думай, что я потребую от тебя невозможного. Тебе не нужно никого обманывать — просто держи спину прямо, смотри вперёд и не позволяй никому увидеть твою слабость. Этого будет достаточно, чтобы они по-

няли: ты — моя

Я хотела было возразить, хотела сказать, что не хочу быть «чьейто», что мне противно само это слово, но слова застряли где-то в горле. Вместо этого я сжала кулаки так, что побелели костяшки, и чуть наклонила голову, будто пыталась вырваться из этого странного, сковывающего притяжения.

— А если они спросят про нас? Про то, как мы... сошлись? — мой голос дрогнул, но я тут же прикусила губу, словно ругая себя за эту слабость.

— Что мне говорить?

Олег чуть усмехнулся — не весело, а так, будто знал что-то, чего не знала я.

— Ничего не говори, — спокойно ответил он.

— Пусть гадают. В этом мире слухи — лучшее оружие. Пусть думают, что между нами не просто расчёт, а нечто большее. Пусть боятся тронуть тебя, потому что знают: если причинят тебе боль, я не просто отвечу — я сотру их с лица земли.

Он отпустил мой подборок, шагнул назад и снова стал тем самым невозмутимым, опасным человеком.

— Завтра я пришлю к тебе Бэллу, — продолжил он уже деловым тоном, будто только что не говорил о разрушениях и войнах.

— Она подберёт платье, проследит за причёской, объяснит, кто есть кто в этом змеином гнезде. Ты должна знать, кого избегать, а с кем хотя бы кивнуть. И ещё... — он чуть

запнулся, будто сам удивился собственной мягкости, — постарайся не спорить с ней. Она знает, как выжить в таких местах.

— А теперь иди спать. Завтра у нас длинный день

Я выскочила из его кабинета, прижав руку к горячей щеке. Сердце колотилось в груди как бешеное.

Впервые за эти дни я почувствовала не только страх. Где-то глубоко внутри, вопреки всему здравому смыслу, зарождалось странное, трепетное и очень опасное чувство. Я поняла, что Олег Орлов — самый опасный мужчина из всех, кого я встречала. Но именно рядом с ним, в центре этого криминального хаоса, я впервые почувствовала себя в безопасности.

Глава 4

Дверь бесшумно приоткрылась, и в комнату вошла Бэлла — не спеша, будто здесь всё принадлежало ей, а ненаоборот. Высокая, статная, с собранными в тугий узел тёмными волосами, она несла перед собой тонкую папку и смотрела на Николь так, словно видела насквозь: и страх, и упрямую искру, которая ещё тлела где-то внутри.

— Ну-ка, посмотрим на тебя, — сказала Бэлла не грубо, но и не ласково — так говорят люди, привыкшие, что их слушают. — Олег прав: тебе нужно выглядеть так, будто этот вечер — твой триумф, а не ловушка.

Николь невольно сжалась, будто хотела стать меньше, незаметнее. Она всё ещё стояла у окна, пальцы цеплялись за подоконник, как за последнюю опору.

— Я не умею притворяться, — тихо проговорила я, не глядя на Бэллу. — Я не знаю, как улыбаться, когда...

— Когда земля уходит из-под ног? — Бэлла мягко, но уверенно подошла ближе и, не спрашивая разрешения, чуть повернула Николь к свету, рассматривая её лицо, будто оценивала линии, тени, то, как ложится свет на кожу. — Это и не нужно. Улыбка — дело десятое. Главное — осанка, взгляд и умение не опускать плечи, даже если хочется свернуться в клубок. В этом змеином гнезде слабость чувствуют раньше, чем видят.

Она открыла папку, достала несколько эскизов и разложила их на столе. На каждом — платья: строгие, но роскошные, с тяжёлыми тканями и лаконичным блеском.

— Вот это, — Бэлла провела пальцем по одному из рисунков, — подойдёт. Тёмно-изумрудное, почти чёрное при тусклом свете, но стоит попасть лучу — и оно вспыхивает. Цвет власти, а не покорности. И никаких кружев, никаких намёков на невинность. Сегодня ты не девочка, которую ведут под венец. Сегодня ты женщина, которая знает, что на кону.

Я сглотнула, глядя на эскиз. Мне вдруг стало не по себе от того, насколько точно Бэлла всё назвала.

— А если я дрогну? Если кто-то спросит что-то... личное?

Бэлла на секунду замерла, потом подошла к шкафу и достала тонкую шкатулку. Щёлкнул замок, и внутри оказались украшения — не кричащие, но безупречные: лаконичные серьги и тонкая нить жемчуга, который на самом деле был не жемчугом, а чёрным перламутром.

— Тогда смотри на Олега, — спокойно сказала Лидия, доставая серьги. — Не как на спасителя и не как на врага. Как на якорь. В этом зале у тебя больше никого нет. И пусть все видят, что ты знаешь это и не стыдишься. Пусть думают, что ты выбрала его. Или что ты с ним на равных. Это собьёт их с толку быстрее, чем любая улыбка.

Она подошла и, не дожидаясь разрешения, начала распус-

кать мои волосы, распутывая пряди уверенными, но не грубыми движениями.

— Знаешь, я видела много таких вечеров, — вдруг тише добавила Бэлла, будто теперь говорила не как наставница, а как женщина, у которой есть своя история. — Видела тех, кто ломался в первые же минуты, и тех, кто держался до конца, даже когда казалось, что держаться не за что. Секрет не в том, чтобы не бояться. Секрет в том, чтобы страх не управлял твоими руками, твоим взглядом, твоим голосом.

— И ещё, — Бэлла чуть наклонила голову, будто проверяя, всё ли теперь на месте, — не пытайся быть кем-то другим. Будь собой — только сильнее. Холоднее. Собранный. Этого достаточно, чтобы они не посмели подойти слишком близко.

В коридоре снова прозвучали шаги, на этот раз тише, осторожнее. Она на секунду прислушалась, потом кивнула, будто подтверждая что-то для себя.

— Время идёт, — мягко, но твёрдо сказала она. — Платье принесут через десять минут. А пока... дыши. Не глубоко, не театрально. Просто вдохни и выдохни. Один раз. Потом ещё. Страх любит спешку. Не давай ему её.

И я послушалась. Просто вдохнула. Потом выдохнула. И в этот момент поняла: я не смогу стереть из памяти то, что сделал отец. Не смогу притвориться, что всё хорошо. Но я смогу стоять прямо. Смогу смотреть вперёд. Смогу держать спину ровно, даже если внутри всё дрожит

Глава 5

Платье принесли ровно через десять минут — его внесли на вешалке, укутанным в плотный чехол, будто это был не наряд, а какой-то секретный артефакт. Две молчаливые девушки поставили его на спинку кресла и тут же выскользнули из комнаты, не поднимая глаз.

Бэлла щёлкнула застёжкой, потянула ткань вниз — и чехол соскользнул, обнажая тёмноизумрудное платье. Вполумраке комнаты оно казалось почти чёрным, но стоило лучу света упасть на подол — и ткань вспыхивала глубоким, живым зелёным, будто в ней прятался отблеск старого леса.

— Вот оно, — тихо сказала Бэлла, проводя ладонью по гладкой поверхности. — Тяжёлая парча, но крой лёгкий. Ты не будешь в нём задыхаться. И не запутаешься в юбке, если придётся быстро уйти. Практичность — тоже часть защиты.

Я стояла в стороне, не решаясь подойти ближе. Платье выглядело так, будто было создано для кого-то другого — для женщины, которая привыкла к таким приёмам, к этим взглядам, к этой игре.

— Ну, не стой столбом, — Бэлла кивнула на платье. — Давай помогу.

Она помогла мне надеть его — ткань легла на плечи неожиданно мягко, но тут же обозначила границы: не обволакивала, а словно очерчивала силуэт, подчёркивая, что я

здесь не для того, чтобы прятаться. Бэлла застёгивала мелкие крючки на спине, и каждое движение было точным, без лишней суеты.

— Смотри, — она развернула меня к зеркалу, но не дала сразу взглянуть. Вместо этого взяла мои руки и заставила расправить пальцы, опустить плечи, поднять подбородок. — Сначала поза. Потом отражение.

И только когда она убедилась, что я стою ровно, она чуть подвинула меня, чтобы свет лёг правильно.

В зеркале стояла я — и одновременно не я. Платье облегло фигуру, но не кричало, а говорило тихим, уверенным голосом. Изумрудный оттенок делал глаза ярче, а бледность кожи — не болезненной, а почти фарфоровой, холодной и безупречной. Чёрный перламутр серёг холодно поблёскивал, и этот холод снова стал моей опорой.

— Теперь лицо, — спокойно продолжила Лидия, доставая маленькую шкатулку. — Не нужно яркого макияжа. Здесь ценят нюансы. Чуть темнее ресницы, капля холодного оттенка на скулах, чтобы черты стали чётче, и губы... не алые, не невинные. Чтото между. Цвет, который заставляет гадать: она злится? Она равнодушна? Она готова ударить?

Пока она работала кисточкой, я смотрела на своё отражение и пыталась найти в нём хоть что-то привычное. Но привычное исчезало, уступая место чему-то новому — жёсткому, собранному, готовому выдержать удар.

— И последнее, — Бэлла достала тонкую нить, почти неве-

сомую, и закрепила её у меня на шее. Это была не цепочка, а что-то вроде тонкой сетки из тёмного металла, которая ложилась на кожу, как ледяные нити. — Это не украшение. Это напоминание. Каждый раз, когда ты почувствуешь её на коже, вспоминай: ты не должна быть милой. Ты должна быть неуязвимой.

Я коснулась металла пальцами — он был холодным и твёрдым.

— Готова? — спросила Бэлла, отступая на шаг и оглядывая меня с головы до ног.

Я хотела сказать «нет», хотела попросить ещё пять минут тишины, ещё один глубокий вдох. Но вместо этого медленно кивнула.

— Почти, — ответила я, и мой голос прозвучал спокойнее, чем я ожидала.

Гдето в глубине дома часы пробили восемь. Звук был густым, тяжёлым, будто отсчитывал не минуты, а вехи новой жизни.

Бэлла подошла к двери и приоткрыла её, впуская в комнату приглушённый гул голосов и далёкий звон бокалов — тот самый звук, который означал, что приём уже начался.

— Пора, — тихо сказала она. — Он ждёт тебя внизу.

Я сделала ещё один медленный вдох, коснулась холодного металла на шее, посмотрела в зеркало — и на этот раз увидела не испуганную девушку, а женщину, которая готова была выйти в зал и встретить этот вечер лицом к лицу.

Пусть они смотрят. Пусть гадают. Пусть боятся.

Потому что сегодня я была не просто гостьей. Сегодня я была Орловой.

Глава 6

Я стоял внизу, и делал вид, что меня не волнует, появится она или нет. Зал гудел, переливался огнями, шуршали платья, звенели бокалы — обычная суэта, к которой я привык. Но сегодня в этом шуме была одна пауза — та, что висела между её выходом и моим следующим вдохом.

Я не поднимал головы нарочно. Пусть думает, что мне всё равно. Пусть хоть на секунду поверит, что у неё есть право сомневаться, бояться, не идти. Но сам я знал: она выйдет. Не потому что я приказал. А потому что в ней есть эта упрямая жилка — та самая, из-за которой она до последнего цеплялась за иллюзию, что отец её не предаст.

И вот она появилась.

Изумрудное платье тяжёлыми складками ложилось по фигуре, подчёркивая каждый шаг, каждую попытку держаться прямо. В полумраке зала ткань казалась почти чёрной, но стоило свету упасть под нужным углом — и вспыхивал глубокий, живой зелёный, будто в ней горело что-то, что она пыталась спрятать.

Она ступила на первую ступеньку — и зал будто чуть притих. Не из-за меня. Из-за неё. Люди чувствовали, когда в комнату входит не просто женщина, а проблема, за которую кто-то готов платить кровью.

Я наконец поднял глаза.

Её пальцы слегка дрожали — она прятала это, сжимая и разжимая их, будто пыталась обмануть саму себя. Но я видел. И от этой мелкой, почти незаметной дрожи внутри, что-то сдвигалось, сбивалось с привычного ритма. Не жалость — я не умел жалеть. Не слабость — я её не терпел. А что-то похожее на уважение к тому, как она заставляла себя идти вперёд, когда все инстинкты кричали: беги.

Когда она спустилась на последнюю ступеньку, я протянул руку. Не грубо, не дёргая, а ровно, давая ей принять опору и не упасть. И когда её ладонь легла на мою — лёгкая, напряжённая, будто она сама не верила, что делает это, — я почувствовал, как по коже пробежал странный ток.

— Ты вовремя, — сказал я спокойно, хотя внутри было беспокойно. Слишком много взглядов, слишком много тех, кто уже представлял, как использовать её против меня.

Николь смотрела вперёд, стараясь не встречаться глазами с толпой, и в этом старании было столько хрупкой силы, что на секунду я поймал себя на мысли: а вдруг она сломается прямо здесь, посреди зала, и я не буду знать, что делать с этой её сломанностью?

Но Николь не сломалась.

Вместо этого она чуть приподняла подбородок, позволяя свету лечь на лицо, позволяя всем увидеть: она не прячется. И в этот момент я вдруг понял, что смотрю на неё не как на щит, не как на пешку, не как на вынужденный шаг ради защиты своих людей.

Я смотрел на неё как на женщину, которая, возможно, способна выдержать больше, чем я от неё требовал.

— Смотри вперёд, — тихо сказал я, наклоняясь ближе, только для неё. — Не пытайся прочитать в их глазах, что они думают. Пусть они читают тебя. Пусть не находят там страха.

Она едва заметно кивнула, и в этом кивке было столько собранности, что я почувствовал странное, непривычное удовлетворение — не от власти, не от контроля, а от того, что рядом со мной стоит человек, который не рассыпался под давлением.

Я шёл рядом с ней и ловил себя на мысли, что впервые за долгое время мне не хотелось, чтобы вечер поскорее закончился. Хотелось, чтобы этот момент — её прямая спина, её холодный взгляд, её рука, лежащая на моём локте не как просьба о спасении, а как признание реальности, — продлился чуть дольше.

Я чуть наклонился к Николь — так, чтобы слышал только она, и в этом движении не было ни суеты, ни паники, только холодная собранность к которой я привык, держать все под контролем.

— Слушай быстро, — тихо, рублеными фразами проговорил я, не сводя взгляда с зала, но краем глаза всё равно отмечая, как она чуть крепче сжала пальцы, будто цепляясь за мой голос, как за опору. — Слева у колонн — семья Косовых. Держись от них подальше. Они ближе к Завьялову, чем хотелось бы, и любят проверять, насколько тонкая грань

между смелостью и глупостью. Если кто-то из них попытается завести разговор — кивни и уходи. Без объяснений.

Я едва заметно повёл подбородком в сторону дальнего угла, где в полутени стоял невысокий мужчина с седыми висками и слишком внимательными глазами.

— Вон там, у боковой стены, — Марков. Не самый громкий, но самый опасный в этом зале не потому, что стреляет, а потому, что знает всё раньше всех. Если подойдёт — слушай. Не спорь, не оправдывайся, просто слушай. Он не враг, но и не друг. Он — информация. И если он заговорит, значит, что-то уже пошло не так.

Николь едва заметно кивнула, и я на долю секунды задержал на ней взгляд: в её глазах ещё плескался страх, но он уже не застилал всё целиком, уступая место сосредоточенности. Это ему понравилось.

В центре — Воронов. Улыбка у него как лезвие: выглядит красиво, а режет до кости. Он будет пытаться тебя прощупать — через комплименты, через вопросы, через «случайные» касания. На комплименты не отвечай. На вопросы — коротко. Если начнёт давить — просто переведи взгляд на меня. Одного моего взгляда ему хватит, чтобы вспомнить, с кем он разговаривает.

Есть ещё клан Вороновых — формально наши союзники. Но союзники расчётливые. С ними не спорь, но и не улыбайся. Улыбка для них — знак слабости, а мы сегодня не слабы. Кивок, прямой взгляд, ни шага ближе. Этого достаточно.

Николь на секунду прикрыла глаза, словно пытаясь зафиксировать эти имена, как метки на карте незнакомого, враждебного города.

— Если в какой-то момент всё смешается и я не пойму, кто есть кто?

Я чуть сжал её локоть — не сильно, но так, чтобы она почувствовала: я рядом, я не отпущу.

— Не забывай главное, — спокойно, но твёрдо сказал я. — Смотри на меня. Не как на спасителя, не как на судью. Как на ориентир. Я буду там, где опасность выше всего. И я не позволю им подойти слишком близко.

В этот момент Воронов сделал шаг вперёд, его улыбка стала шире, в ней прибавилось хищного блеска, и Олег едва заметно кивнул, будто подтверждая самому себе: да, началось.

— Сейчас он подойдёт, — так же тихо предупредил я. — И запомни ещё одно: не пытайся понравиться. Тебе не нужно их одобрение. Тебе нужно, чтобы они помнили, кто ты. А ты — Орлова.

Николь глубоко, почти судорожно вдохнула, а потом выдохнула — ровно, без дрожи. И когда Воронов остановился перед нами, она не опустила глаз, не спряталась за мной. Она просто встала чуть прямее, позволяя свету лечь на изумрудное платье, позволяя всем увидеть: она здесь не гостя. Она — часть этой силы.

— Олег, — произнёс он с идеально выверенной интонацией, в которой вежливость граничила с вызовом. — Рад ви-

деть тебя... и твою спутницу.

Я не улыбнулся. Я просто чуть наклонил голову в ответ — жест, который можно было понять и как приветствие, и как предупреждение.

— Воронов, — спокойно ответил я. — Надеюсь, вечер будет спокойным.

И, не дожидаясь ответа, чуть повёл Николь дальше, мягко, но непреклонно направляя её мимо опасных людей, мимо тех, кто хотел бы увидеть её слабость.

Николь шла рядом, и я чувствовал, как с каждым шагом её осанка становилась твёрже, а дыхание — ровнее. Она не была создана для этого мира, но сейчас училась в нём выживать. И это делало её не слабее — а опаснее.

Пусть смотрят, — думал я про себя, скользя взглядом по залу и мгновенно фиксируя каждое движение, каждый слишком долгий взгляд в нашу сторону. — Пусть гадают. Пусть боятся ошибиться. А я буду следить, чтобы никто не посмел подойти слишком близко».

Глава 7

Я чуть замедлил шаг, будто давая залу секунду, чтобы все взгляды успели собраться на нас — как на центре бури. Я не любил эффектных пауз, но сегодня пауза была нужна: чтобы каждый успел заметить, оценить, запомнить.

Я повернул голову к Николь — и в этом повороте не было ни нежности, ни тепла, но был тот самый тяжёлый, цепкий взгляд, от которого у людей в зале холодело в груди. Я смотрел на неё так, будто она была самой опасной и самой ценной в этом помещении. Так, что даже самые прожжённые хищники в этом зале невольно притихали: если Орлов смотрит так на женщину — значит, она не просто украшение, значит, она — часть его власти.

— Дамы и господа, — голос прозвучал не громко, но ровно, и от этой ровной силы гул в зале стал стихать, как волна, разбивающаяся о скалу. — Позвольте представить мою жену. Николь Орлова.

Я не отводил взгляда от Николь. В нём по-прежнему не было мягкости, но в нём появилось что-то новое — то, что заставляло её стоять прямее, будто этот взгляд был невидимой опорой. Я смотрел жадно, не как влюблённый, а как человек, который наконец получил то, за что дорого заплатил, и теперь не собирался ни с кем делить ни секунду этого владения.

И затем я сделал то, чего от меня здесь не ждали: я мягко, но твёрдо положил руку Николь на талию. Не для того, чтобы прижать к себе, не для нежности — а чтобы обозначить границу: сюда не подходить. Это движение было одновременно и защитой, и предупреждением. Пальцы легли уверенно, без дрожи, и в этом жесте было столько спокойной, безжалостной силы, что даже Воронов, стоявший ближе всех, чуть отступил на полшага, будто почувствовал, как воздух между ними стал плотнее.

— Рад, что вы все смогли сегодня быть здесь, — продолжил я, и теперь в голосе скользнула едва уловимая сталь, как лезвие, которое не вытаскивают, но дают почувствовать. — И рад, что теперь вы знаете, кто стоит рядом со мной. Знайте: моё отношение к каждому из вас будет зависеть от того, насколько уважительно вы относитесь к ней.

В зале повисла тишина, в которой можно было услышать, как звякнул чей-то бокал где-то в дальнем углу. Никто не спешил аплодировать, никто не бросался с поздравлениями. Здесь не любили открытых эмоций — здесь ценили границы. А я только, что провёл самую чёткую границу, какую только можно было провести.

Я чуть крепче, но всё так же ненавязчиво придержал Николь за талию, будто напоминая и ей, и всем остальным: она здесь не одна. И если кто-то решит проверить, насколько тонка эта защита, он узнает, насколько острой бывает его реакция.

— Ну что, — тихо, только для неё, произнёс, чуть наклоняясь ближе, так, что моё дыхание коснулось виска. — Теперь они знают. Теперь пусть боятся ошибиться.

Николь медленно опустила ресницы и снова подняла взгляд — уже без дрожи. Она видела, как в глазах гостей сменяются эмоции: расчёт, любопытство, зависть, уважение, страх.

Глава 8

Когда последние гости наконец покинули дом, тишина обрушилась на зал так резко, будто кто-то одним движением выдернул шнур из розетки. Ещё минуту назад воздух звенел от шёпота, хруста бокалов и осторожных взглядов, а теперь остался только глухой, тяжёлый покой — и он пугал даже больше, чем шум.

Я не стала ждать, пока кто-нибудь подойдёт ко мне, не стала искать глазами Олега, не хотела ни объяснений, ни одобрений, ни холодных «ты справилась». Я просто развернулась и пошла по коридору, чувствуя, как с каждым шагом тяжесть платья становится невыносимой — не из-за ткани, а из-за всего, что это платье на себе несло: роли, взглядов, чужих расчётов.

Дверь моей комнаты оказалась приоткрыта — так, как я её и оставила, будто ничего не изменилось. Но я знала: изменилось всё. Я шагнула внутрь, тихо прикрыла дверь за собой и на секунду прижалась к ней спиной, позволяя дереву принять на себя ту дрожь, которую весь вечер я прятала под прямой спиной и холодным взглядом.

Платье соскользнуло с плеч тяжёлой волной изумрудной ткани и упало к ногам, словно сброшенная броня. Я посмотрела на него, лежащее на полу, и вдруг почувствовала странную пустоту — будто вместе с платьем она сняла и ту жен-

щину, которой была в зале.

Я прошла в гардеробную — и будто шагнула из одного мира в другой. Здесь не было тяжёлого бархата, жёстких корсетов и плотных тканей, от которых кожа просила пощады. Полки и вешалки хранили вещи, которые будто принадлежали кому-то другому — кому-то, кто мог позволить себе просто быть, а не держать спину так, словно на ней держится весь этот дом.

Я провела пальцами по ряду платьев, будто проверяя, не исчезли ли они, не растворились ли в воздухе вместе с тем вечером, и наконец остановилась на лёгкой шёлковой пижаме — топ и короткие шортики, цвета слоновой кости, почти прозрачные, невесомые. Ткань была такой гладкой, что казалось, она не касается кожи, а ложится поверх дыхания, едва ощутимым облачком.

Я надела пижаму — шёлк мягко скользнул по плечам, по бёдрам, облекая, но не сдавливая. Я на секунду замерла, прислушиваясь к этому новому ощущению: никакой тяжести, никакого «держишься прямо», никакого напряжения в лопатках. Только прохлада ткани и тишина, которая вдруг перестала давить.

Я вышла из гардеробной и остановилась посреди комнаты, прислушиваясь. Дом больше не гудел от чужих голосов, не звенел бокалами, не шептал сплетни. Он тихо дышал в темноте, и в этом дыхании было что-то почти заботливое — будто признавал: сегодня ты выстояла, теперь можно опустить

руки.

Было уже полночь. Дом, который днём казался неприступной крепостью, а вечером — ядовитой витриной для чужих взглядов, теперь дышал по-другому.

Я стояла и прислушиваясь к этой тишине, а потом поняла: если я сейчас просто попытаюсь уснуть, то перед глазами тут же встанут все эти лица — улыбка Воронова, тяжёлый взгляд Маркова, жадные, скользкие взгляды гостей. И я не выдержу. Мне нужно было хоть немного стряхнуть с себя этот вечер.

Я встала, накинула поверх шёлковой пижамы лёгкий халат — тонкий, полупрозрачный, но дававший странное чувство прикрытости, будто если на ней будет хоть что-то сверху, она не будет казаться себе такой беззащитной в этом огромном чужом доме. Подошла к двери, прислушалась. В коридоре было тихо, только тёмные тени лежали на полу, как разлитые чернила.

И я шагнула в коридор.

Сначала шла медленно, почти на цыпочках, будто боялась, что дом меня услышит и захлопнет за мной невидимые двери. Но дом не гнался за мной. Он просто был — тяжёлый, каменный, наполненный старыми запахами лака, воска и чего-то ещё, мужского, сдержанного, как запах дорогого табака, который не висит в воздухе, а прячется в дереве.

Я шла по коридору, касаясь пальцами стены — так легче было не потерять направление, не сбиться с пути среди оди-

наковых дверей и высоких зеркал, в которых я мелькала, как призрак: светлые волосы, бледное лицо, глаза, в которых ещё не до конца погас сегодняшний страх.

Я шла медленно, но в какой-то момент мои ноги будто сами выбрала другой путь. Я вдруг свернула к высокой двустворчатой двери — тёмной, почти сливающейся со стеной, с бронзовой ручкой, отполированной до тусклого блеска.

Я не думала. Просто остановилась. Положила ладонь на холодную медь. И толкнула.

Дверь открылась без скрипа — будто её открывали часто, и петли давно смирились с этим движением. За ней была не просто комната. Это было его пространство — сгусток тьмы и порядка, где всё имело своё место, а пустота между вещами казалась такой же продуманной, как и сами вещи.

Я застыла на пороге, чувствуя, как сердце стучит где-то в горле. Я поняла, что зашла туда, куда не должна была заходить. Но отступить сейчас казалось ещё страшнее, чем стоять здесь, в его темноте, и дышать его тишиной.

И тут резко дверь в ванную открылась.

Звук был короткий, хлесткий, будто кто-то ударил ладонью по косяку. Я вздрогнула, подняла глаза — и замерла.

Олег вышел, мокрый, с каплями воды, стекающими по плечам и груди, собираясь в тонкие дорожки на напряжённых мышцах и исчезая под краем полотенца, небрежно повязанного на бёдрах. Он не тянулся за одеждой, не пытался прикрыться — он вообще не выглядел так, будто ему

нужно оправдываться за свою уязвимость. Наоборот: в этой небрежности была своя власть.

Он остановился на пороге, и в его взгляде мелькнуло то самое хищное выражение — резкое, цепкое, как у зверя, который внезапно понял, что в его логово зашла чужая, и теперь решает: оттолкнуть, прогнать... или оставить.

Этот взгляд скользнул по моему лицу, по растрёпанным волосам, по тонкой ткани пижамы. И в нём не было ни мягкости, ни попытки сгладить неловкость.

Я уже взялась за дверную ручку, уже почти вышла, когда из комнаты донеслось вдруг совсем не то, чего я ждала. Не жёсткое «иди» и не холодное молчание. А это — лёгкое, чуть насмешливое, но без злости:

— Что-то потеряла, птенчик?

Я замерла, пальцы так и остались на холодной бронзе ручки. И не потому, что испугалась, а потому что слово это ударило не как оскорбление, не как унижительное прозвище, а как... якорь. Будто он нарочно выбрал что-то маленькое, хрупкое, незащитное — и сказал это так, что в нём вдруг не оказалось презрения.

— Я... не искала тебя, — тихо сказала я. — Просто шла по дому. А эта дверь была открыта. И мне показалось... что тут тише.

Он чуть прищурился, будто пытался разобрать в её словах правду, отделить её от страха, от желания угодить, от попытки оправдаться.

Олег подошёл ближе — не спеша, будто давая мне время отступить, но я не отступила. Я стояла прямо, с поднятым подбородком, и в моих глазах не было ни испуга, ни слепой покорности — только напряжённое ожидание, как у человека, который уже принял слишком много ударов за вечер и теперь просто ждёт, какой будет следующий.

Он остановился так близко, что я почувствовала исходящее от него тепло — не жар, а ту самую живую, мужскую теплоту, которая бывает после душа, когда кожа ещё хранит остатки пара. Он медленно протянул руку, и на секунду этот жест повис в воздухе между ними — как вопрос, который он не решился задать словами.

А потом его пальцы коснулись моей щеки — легко, почти невесомо, кончиками, будто он проверял, настоящая ли я, не растворится ли под прикосновением. Это не было собственничеством, каким оно было в зале, когда он клал руку мне на талию, чтобы показать всем: «она моя». Это было что-то другое — тихий, осторожный жест, в котором вдруг не было власти.

— Ты можешь остаться, Николь, — тихо, полушёпотом, произнёс он, и голос его звучал не как приказ а как соблазн, почти неловкое предложение, которое ему было непросто сделать. — Если этого хочешь. Здесь тихо. Здесь никто не подойдёт. Никто не будет смотреть, не будет оценивать, не будет пытаться найти твою слабость.

Я замерла, чувствуя, как горит кожа под его пальцами,

его тепло, которое медленно растекалось по коже, спускаясь вниз, к шее, к плечам, снимая с них ту каменную тяжесть, что копилась весь вечер. Мне хотелось закрыть глаза, прижаться к этой руке, позволить себе на одну минуту стать просто слабой, просто уставшей, просто девушкой, которой нужно, чтобы кто-то сказал: «всё будет хорошо».

— Я не хочу быть твоей тишиной, Олег, — тихо, но твёрдо сказала я. — Не хочу прятаться за тобой, как за стеной. Если я останусь здесь, это будет не потому, что мне страшно выйти в коридор. А потому что... мне сейчас не хочется быть одной.

Он чуть прищурился, будто услышал в её словах какой-то подвох, но потом медленно кивнул, принимая это условие.

— Тогда оставайся не как моя жена из зала, — так же тихо ответил он. — А как человек, которому сегодня было тяжело. И которому можно просто посидеть в тишине, не оправдываясь за то, что устал.

Он опустил руку, но не отступил, не разорвал это хрупкое пространство между нами. Вместо этого он чуть повёл головой в сторону кресла:

— Садись. Я не буду на тебя смотреть, не буду ничего требовать. Могу вообще выйти в кабинет, если тебе так спокойнее. Или могу остаться здесь, сидеть у стола и делать вид, что разбираю бумаги. Выбирай.

Я медленно выдохнула, и с этим выдохом из меня будто ушла последняя судорога напряжения. Я не хотела ни драмы,

ни клятв, ни обещаний. Я хотела просто знать, что в этом огромном, холодном доме есть хотя бы один угол, где меня не будут оценивать.

Я шагнула к креслу и села, не разваливаясь, не теряя осанки, но позволяя плечам опуститься хоть на миллиметр.

— Я посижу здесь, — тихо сказала я. — Если ты не против.

Олег кивнул, будто это было самое правильное решение из всех возможных. Он прошёл к столу, сел на край, взял в руки какую-то папку, но не открыл её. Просто держал, как будто она была ему нужна, чтобы не смотреть на меня слишком пристально, не давить своим вниманием.

Глава 9

Я не привык, чтобы в моей комнате кто-то был. Мои стены не про уют, не про разговоры ни о чём, не про тихие вздохи в темноте. Они про границы. Про контроль. Про то, что здесь всё — моё, и ничто не смеет существовать без моего ведома. А она сидела в моём кресле, маленькая, хрупкая, будто боялась занять слишком много места, и от этого занимала его целиком.

Я смотрел на Николь и чувствовал, как внутри всё натягивается, как струна, которую тронули слишком близко к краю. Она была красивой — не той броской, хищной красотой, которая кричит и требует внимания, а тихой, почти незаметной, если не вглядываться. А я вглядывался. Слишком пристально. Слишком жадно.

И это раздражало. Потому что я не строил серьёзных отношений. Никогда. Отношения — это уязвимость, а уязвимость в моём мире — это приглашение к удару. Я держал дистанцию, я ставил стены, я делал так, чтобы никто не успевал стать важным. И вдруг эта девочка с упрямым подбородком и усталыми глазами нарушает все мои правила одним своим присутствием.

Она такая хрупкая», — подумал я, и это слово царапнуло изнутри. Хрупкая. Значит, легко сломать. Значит, нужно держать руки подальше. Но в то же время... она нрави-

лась мне. Не просто привлекала, не просто будила привычный мужской интерес — а цепляла. В ней было что-то, что заставляло меня хотеть одновременно защитить её и трахнуть.

Николь возбуждала меня — и не только телом, хотя да, от одного взгляда на нее кровь начинала бежать быстрее. Но сильнее было другое: она будила во мне что-то забытое. То чувство, когда хочется не просто взять, а сберечь. А я не умел беречь. Я умел контролировать. Умел диктовать условия. Умел выживать.

Что-то изменилось с её появлением в этом доме. Воздух стал плотнее, тишина — острее, а каждый мой шаг будто требовал пересчёта последствий. Я ловил себя на том, что слежу за её лицом, пытаюсь угадать, что прячется за этим ровным взглядом, и злился на себя за эту потребность знать.

— Ты можешь остаться, — сказал я, и сам удивился, как тихо и ровно прозвучали слова, будто не я их произносил. Будто кто-то другой, тот, кто не привык раздавать слабости как милостыню.

Пока Николь сидела в моём кресле и лунный свет ложился на её волосы, я думал о том, чего не позволял себе думать годами: что, возможно, в этой сделке, которую устроили другие, есть трещина. И в эту трещину пробирается что-то живое. Что-то, что я не смогу контролировать.

А хуже всего было то, что я уже не хотел контролировать это до конца. Хотел просто сидеть здесь, смотреть, как она медленно выдыхает, как напряжение сползает с её плеч, и

знать, что хотя бы в эти несколько минут в моём ледяном доме есть что-то тёплое.

— Сегодня можно снять броню, — сказал я, почти себе под нос, и тут же одёрнул себя за эти почти нежные слова. — Но завтра снова наденешь. Здесь не место для слабости.

Николь чуть улыбнулась — так тихо, что, если бы не лунный свет, я бы и не заметил. И в этой улыбке было что-то обезоруживающее: она не спорила, не пыталась доказать, что сильная. Она просто принимала правила, даже если они её ранили.

Я смотрел на Николь и понимал: я не хочу её испортить. Не хочу, чтобы этот мир, который я знаю слишком хорошо, стёр из неё эту тихую, упрямую искренность. Но я также знал, что, возможно, уже поздно. Потому что сам факт того, что она здесь, в моей комнате, в моём пространстве, — уже испытание. И я был тем, кто это испытание ей устроил.

Часы на столе щёлкнули, отсчитывая ещё одну минуту. Дом дышал вокруг нас своей тяжёлой, старой тишиной. А я сидел и думал: пусть сегодня будет только эта минута. Пусть она посидит в моём кресле, пусть почувствует себя в безопасности, пусть поверит, что есть угол, где её не будут ломать.

А завтра... завтра я снова стану Орловым. Жёстким, расчётливым, тем, чьего имени боятся. Но сегодня я позволю себе быть просто мужчиной, который смотрит на женщину и понимает, что впервые за долгое время ему не хочется быть

одному.

Я сидел за столом, уставившись в экран ноутбука, но строчки сливались в серую кашу. Цифры, отчёты, сводки — всё это обычно держало меня в тонусе, не давало ни секунды на лишние мысли. А сегодня не работало.

Снова и снова взгляд сам собой съезжал с монитора на кресло. На Николь.

Она всё-таки уснула. Не сразу — ещё минут десять сидела. Потом плечи её чуть опустились, голова склонилась набок, и дыхание стало ровным, глубоким, без той напряжённой осторожности, с которой она ловила каждый звук в этом доме.

Я замер, глядя на неё, и вдруг поймал себя на том, что даже дышать стараюсь тише, чтобы не спугнуть этот редкий момент. В моём мире не бывает тишины, в моём мире тишина — это ловушка. Но сейчас она была не ловушкой. Она была передышкой.

Медленно, почти не веря, что делаю это, я закрыл крышку ноутбука. Щёлк. Тихий, домашний звук, который в этих стенах звучал почти как вызов всему, что я строил годами.

Встал. Подошёл к креслу. Остановился на секунду, будто проверяя: имею ли право. И сам себе ответил: имею. Хотя бы на то, чтобы она не мёрзла.

Взял плед — тот, что висел на спинке дивана, тяжёлый, шерстяной, пахнувший воском и старым деревом. Осторожно, стараясь не потревожить её сон, накинул сверху, прикрыл

плечи, подоткнул края так, чтобы ни один сквозняк не добрался до неё.

А потом... не удержался.

Протянул руку и легко, едва касаясь, провёл пальцами по её волосам. Они были мягкими, чуть спутанными, и в этом тоже была какая-то неправильная, непривычная для меня нежность. Не та, что требует взамен, а та, что просто хочет сберечь.

На секунду я замер, чувствуя, как внутри что-то сжимается от этой простой, почти детской потребности — прикоснуться, убедиться, что она здесь, живая, настоящая, а не часть той сделки, которая перевернула мой дом вверх дном.

И прежде чем успел одуматься, наклонился и тихо, почти невесомо, коснулся губами её лба. Не как собственник. Не как тот, кто ставит метку. А как человек, который шепчет: «Ты в безопасности. Хоть на эту ночь».

Отступил сразу же, будто испугался собственной слабости. Сел обратно на край стола, сложил руки на груди, снова надел привычную броню собранности. Но внутри всё ещё гудело от этого маленького, почти незаметного жеста.

«Я не умею беречь», — мелькнуло в голове. «Я умею защищать. Умею давить. Умею побеждать. А беречь... это для тех, кто не живёт в моей реальности».

Но глядя на то, как она спит, как её лицо наконец-то потеряло эту напряжённую, сжатую маску, я вдруг понял: может, именно поэтому мне так важно было это сделать. Пото-

му что в мире, где всё покупается и продаётся, где каждый шаг просчитывается, где даже тишина имеет цену, есть что-то бесконечно ценное в том, чтобы просто укрыть человека пледом и поцеловать в лоб. Без условий. Без сделок.

Глава 10

Глава 11

Макар влетел в столовую так, будто за ним гнался сам ад. Лицо бледное, рубашка на груди взмокла, а в глазах — тот самый дикий блеск, который бывает, когда ты только что видел, как рушится, что-то очень важное. Он даже не успел толком затормозить, врезался плечом в косяк, выпалил на одном дыхании

— Склад на южной окраине. Тот, что под нашим прикрытием. Взрыв. Сильный. Там сейчас всё горит. Охрана докладывает: это не авария. Это подрыв. И... Олег, там были не просто ящики. Там была партия, которую мы ждали для прикрытия северного рубежа.

Я почувствовала, как по спине прокатилась ледяная волна. Я не знала всех этих названий, не понимала, что значит «северный рубеж», но по тому, как мгновенно переменялось лицо Олега, поняла: это не просто плохие новости. Это удар в самое сердце его власти.

А Олег... Олег изменился в одну секунду.

Не было никакого перехода. Не было вздоха, не было тяжёлого взгляда, не было паузы, чтобы собраться. Он просто... стал другим. Тот мужчина в рубашке с закатанными рукавами, который спокойно говорил про учёбу, который позволял себе едва заметную полуулыбку, который обещал, что моя территория останется моей территорией, — исчез.

Теперь перед ней сидел Орлов. Жёсткий, собранный, непроницаемый. Его плечи будто стали шире, взгляд — острее, а в самой его неподвижности появилась та самая хищная готовность, от которой у людей в зале подгибались колени.

— Кто на месте? — голос звучал ровно, но в нём уже не было ничего человеческого. Только сталь. — Есть выжившие? Что с периметром?

Макар глотал воздух, пытаясь выровнять дыхание, и выкладывал факты: имена, цифры. Пока он говорил, Олег уже достал телефон. Не тот, по которому он принимал поздравления и вежливые угрозы. Другой — тяжёлый, с отдельной линией, которую знали только самые близкие и самые опасные люди в его мире.

Я сидела, не шевелясь, и смотрела на Олега. И вдруг с пугающей ясностью поняла: эта минутная передышка, этот завтрак, эти спокойные слова про учёбу — всё это было не потому, что угрозы исчезли. Всё это было потому, что он на секунду позволил себе опустить щит. Позволил ей увидеть человека за спиной хищника.

Он набрал Вадима. Один гудок. Второй. Я вдруг поймала себя на том, что задерживаю дыхание, будто от того, ответит ли Вадим, зависело, удержится ли этот дом на месте.

— Вадим, — голос Олега прозвучал так, что даже в трубке, наверное, почувствовался холод. — Склад. Южная окраина. Подрыв. Мне нужно всё: камеры, логи доступа, кто входил, кто выходил за последние сорок восемь часов. И не

только наши посты. Проверь внешние системы. Частные камеры, такси, доставки — всё, где есть хоть один пиксель этой улицы. Кто-то готовил это долго. И я хочу знать кто.

На том конце провода Вадим не задавал лишних вопросов. Только короткое: «Уже делаю». И тишина, в которой слышался скрип шестерёнок огромной, невидимой машины, которая начинала раскручиваться по его приказу.

Олег опустил телефон, но не убрал его. Держал в руке, как оружие. Потом коротко кивнул Макару:

— Собери группу. Пусть едут на место, но без штурма. Пока только оценка ущерба и сбор улик. Если там кто-то остался — вытащите. Если есть следы — соберите. И пусть никто не говорит ни слова, ни своим, ни чужим. Даже шёпотом.

Макар снова кивнул и исчез, оставив после себя только запах гари, который, казалось, въелся в его одежду.

И только теперь Олег посмотрел на меня. В его взгляде не было ни извинений, ни объяснений. Но было что-то другое — короткое, почти незаметное: просьба понять, что сейчас он должен уйти. Что этот мир, который он так старательно отодвигал от меня, ворвался обратно, и на этот раз его не получится просто накрыть пледом и поцеловать в лоб.

— Останься здесь, — сказал он, и в этот раз в словах не было приказа. В них была тяжесть, которую он не хотел на меня сваливать, но вынужден был. — Не выходи во двор. Не подходи к окнам на западной стороне. Пусть Марта будет

с тобой. Сейчас в доме начнётся движение — люди будут бегать, отдавать приказы, готовиться. Это не для тебя.

Я сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как внутри всё дрожит от напряжения. Мне хотелось сказать: «Возьми меня с собой», хотелось доказать, что я не хрустальная, что могу выдержать не только тихие завтраки и осторожные обещания. Но я поняла: сейчас он не сможет меня защищать и одновременно делать то, что должен.

— Хорошо, — тихо сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я останусь. Но... если будет хоть что-то, что я могу сделать — скажи. Хоть список проверить, хоть письмо отправить. Хоть что-нибудь, чтобы не сидеть и не ждать, пока всё рушится.

Уголок его губ дрогнул, но не в улыбке. В чём-то горьком, почти усталом.

— Сейчас самое важное, что ты можешь сделать, — это не стать мишенью, — тихо сказал он. — Пусть это звучит как приказ. Но это просьба.

Он сделал шаг к двери, потом остановился. Повернулся, будто хотел добавить что-то ещё, но вместо этого просто на секунду задержал на ней взгляд — так, словно пытался запомнить её такой: не испуганной, не сломленной, а готовой держаться.

А потом ушёл. Не оглядываясь.

Через минуту в столовую тихо вошла Марта. Она не спрашивала, что случилось. По её лицу было видно: она всё по-

няла по одному только звуку распахнутой двери.

— Пойдём, — тихо, но твёрдо сказала она, подходя ближе и беря меня за руку. — Не здесь. Здесь слишком открыто. Пойдём туда, где стены толще, а окна выходят во внутренний двор. Там ты будешь в безопасности.

Я кивнула, не споря. Встала, чувствуя, как пол будто слегка качается под ногами, и пошла за Мартой, стараясь не оглядываться на пустой стул напротив, на место, где ещё минуту назад сидел человек, который пообещал ей, что её территория останется неприкосновенной.

И который теперь ушёл туда, где нужно было снова становиться хищником, чтобы защитить эту территорию.

Глава 12

Я сел в машину — дверь хлопнула глухо, как крышка сейфа. Стекло тонированное, мир снаружи сразу стал приглушенным, серым, будто я уже смотрел на него сквозь прицел. Мотор взвыл ровно, без надрыва — машина знала, кто за рулём, и не тратила силы на показуху.

Я не успел тронуться. Телефон в руке завибрировал так, будто это не звонок, а сигнал тревоги. На экране — Вадим. Один короткий взгляд, и я нажал «принять», не давая себе ни секунды на то, чтобы выдохнуть.

— Говори, — бросил я, не здороваясь. В моём мире сейчас не было места вежливости.

Голос Вадима звучал ровно — он умел держать нервы в кулаке даже тогда, когда всё летело к чертям.

— Есть платёж. Три дня назад. Небольшая сумма, почти незаметная, с анонимного кошелька на счёт одного из охранников южного периметра. Имя — Костя Семенов. Слабая дисциплина, два выговора за опоздания, в прошлом году просил аванс на лечение матери. Сумма — ровно столько, чтобы закрыть его личные дыры и оставить ещё на бутылку. Но достаточно, чтобы он на пару минут отвернулся, когда мимо проедет не та машина.

Я сжал телефон так, что пластик тихо скрипнул. Внутри не было ярости — была ледяная, чёткая ясность. Всё встало

на свои места. Никакой магии, никакой случайности. Просто чья-то грязная, расчётливая математика: найти самое слабое звено и дернуть за него.

— Он жив? — коротко спросил я.

На месте его нет. Ни среди раненых, ни среди тех, кто давал показания. Пропал. Либо его убрали как свидетеля, либо он сам понял, что натворил, и убежал. Я запустил поиск по камерам на выездах. Если он пытался уехать — мы его найдём.

Я прикрыл глаза на секунду, но не чтобы собраться с мыслями — чтобы не дать этим мыслям разнести меня изнутри. Потому что следом за Костей в голове вставал другой вопрос: а кто знал, что он слабое звено? Кто знал про выговоры, про мать, про то, что ему не хватает денег? Это не могло быть случайностью. Кто-то внутри моего круга подсказал Маркову, куда бить.

— Проверь цепочку платежей глубже, — приказал я. — Не только кошелёк. Мне нужны IP, устройства, любые следы, которые ведут не к Косте, а к тому, кто его нанял. И параллельно — подними все записи с внутренних камер в офисе за последнюю неделю. Кто подходил к его досье, кто спрашивал про его смены, кто вообще хоть раз упоминал его имя.

— Уже делаю. Есть ещё коечто. На камерах у въезда на склад — микроавтобус. Номера замазаны, но камера на заправке в трёх кварталах поймала их на секунду. Я отправил фото аналитикам. Если это люди Маркова — мы узнаем ма-

шины, которые у него в обороте.

Я кивнул, хотя он меня не видел. В груди что-то сжималось, но это была не паника — это был адреналин, который превращал страх в действие.

— Держи меня в курсе, — сказал я и уже хотел сбросить вызов, но Вадим добавил:

— Олег, тут ещё... В чате охраны кто-то написал, что видели у северной стены постороннего. Не в форме, не из наших. Высокий, в тёмной куртке, стоял и будто что-то высчитывал. Охрана пошла проверять — он исчез. Я не хочу нагнетать, но...

— Но это уже не совпадение, — закончил я за него, и голос мой прозвучал жёстко, как удар хлыста. — Значит, они проверяют и другие точки. Хотят понять, куда я брошу силы.

Я положил телефон на колено, но не убрал. Он был теперь не устройством, а продолжением моих нервов — пульсом, по которому я чувствовал, как бьётся этот город.

Выжал сцепление. Машина рванула вперёд, но я не гнал. Не сейчас. Сейчас скорость была не в том, чтобы быстрее доехать, а в том, чтобы успеть просчитать следующий шаг.

В голове крутились имена, маршруты, слабые места. Я перебирал людей, как карты в колоде, ища того, кто мог заказать Костю. И чем дальше я думал, тем холоднее становилось внутри. Потому что если это был кто-то из своих, значит, доверие теперь стоило дороже золота — и опаснее пули.

Телефон снова завибрировал. Ещё одно сообщение от

Вадима: «Аналитики подтвердили. Микроавтобус числится за фирмой-однодневкой. Владелец — подставное лицо. Но маршрут совпадает с теми, что использует команда Маркова на прошлых акциях».

Я стиснул руль. Марков. Всё вело к нему. Он не просто хотел ударить — он хотел показать, что может дотянуться до самого сердца моей системы. И что я не могу защитить даже то, что считал неприкасаемым.

Но тут, среди всех этих цифр, и угроз, в голове всплыло другое лицо. Не врага. Не предателя. Николь.

Та, что осталась в доме. Та, что просила: «Если будет хоть что-то, что я могу сделать...»

И я вдруг понял: сейчас самое важное, что я мог для неё сделать, — это не брать её с собой в эту мясорубку. Это держать её там, где стены толще, где никто не увидит её через прицел, где Марта будет рядом, а окна выходят во внутренний двор.

Пусть она сидит в тишине. Пусть открывает свой ноутбук. Пусть смотрит расписание, читает лекции, делает вид, что мир не рухнул. Пусть это будет её маленький остров, пока я гашу пожары вокруг.

Я набрал Макара.

— Усилить периметр поместья, — коротко бросил я, когда он ответил. — Двойной патруль. Никаких исключений. И скажи Марте: пусть не отходит от Николь. Ни на шаг. Если кто-то подойдёт ближе чем на десять метров к восточному

крылу — пусть докладывают мне лично.

Макар не стал спрашивать «зачем» — он просто подтвердил:

— Сделаем.

Я сбросил вызов и снова посмотрел вперёд. Дорога стелилась чёрной лентой, фонари мелькали, как вспышки выстрелов. Где-то там, на окраине, догорал склад, и чёрный дым поднимался к небу, обещая, что эта ночь не будет спокойной.

Но я ехал туда. Не потому, что хотел мести. А потому, что знал: если я не остановлю эту волну сейчас, она дойдёт до дома. До дверей. До той комнаты, где Николь пытается просто дышать.

Телефон в руке снова завибрировал. Вадим. Ещё одно сообщение: «Есть запись с камеры у проходной. Костя встречается с мужчиной в тёмной куртке. Лицо не видно, но походка... Олег, ты знаешь эту походку. Это человек из команды Маркова».

Я смотрел на стопкадр. На две фигуры в полумраке. На протянутую руку. На то, как Костя опускает глаза, будто ему стыдно, но он всё равно берёт деньги.

Я убрал телефон, выжал газ, и машина рванула вперёд, разрезая темноту. Впереди был пепел, был дым, были враги. Но где-то позади, в тихом доме, была одна комната, которую я должен был защитить любой ценой.

«Я держу ситуацию», — подумал я, и это было не обещание миру. Это было обещание ей.

Глава 13

Машина выехала на пустырь, и я увидел то, что уже знал сердцем, но до последнего не хотел видеть глазами: склад горел так, будто сам дьявол поднёс к нему факел. Пламя вставало стеной, пожирая бетон и металл, и даже сквозь закрытое окно чувствовался этот тяжёлый, ядовитый жар — он проникал под кожу, заставлял сжиматься каждую мышцу.

Я ударил по тормозам, выпрыгнул ещё до того, как машина окончательно встала. Мир сузился до трёх вещей: огня, криков и запаха гари, въедавшегося в лёгкие.

Ко мне уже бежал начальник охраны, седой, с лицом, чёрным от копоти, в глазах — не паника, а та самая отчаянная собранность, которая бывает, когда понимаешь: хуже уже некуда, остаётся только делать дело.

— Олег! Дальний отсек почти обрушился! Но там могли остаться Егор и Глеб — они заходили туда перед самым взрывом! Мы не можем пробиться!

Внутри что-то дёрнулось, коротко и больно, как удар тока. Не страх. Холодная, злая ясность: если они там, я не уеду без них. Не имею права.

Рядом пожарный натягивал экипировку, собирался снова лезть в пекло. Я шагнул к нему, не тратя время на вежливые слова:

— Дай куртку. И маску.

Он вскинул голову, будто хотел послать меня куда подальше, но увидел что-то в моём лице — и молча сдёрнул с себя тяжёлую куртку, швырнул мне.

Я натянул её, запах был такой, будто она уже побывала в аду. Маска легла на лицо, мир сжался до узкой полосы видимости, и от этого всё вокруг сделалось ещё реальнее: каждый треск, каждый всполох огня звучал как предупреждение.

Начальник охраны схватил меня за плечо:

— Олег, стой! Ты не можешь туда! Это не твоя работа!

Это мои люди, — отрезал я, уже шагая к огню. — Если есть хоть один шанс — я его использую.

Жар ударил в лицо, даже сквозь маску. Потолок где-то над головой трещал, как будто смеялся надо мной. Я двигался быстро, пригибаясь там, где балки нависали угрожающе низко, и кричал:

— Егор! Глеб! Отзовитесь!

И вдруг — стук. Три удара по металлу. Я замер, прислушиваясь, потом ещё раз услышал — левее, за грудой ящиков, которые уже тлели.

Я рванулся туда, оттаскивал ящики, не чувствуя ни веса, ни жара — только одну мысль: успеть. Наконец проход открылся, и в полумраке я увидел их. Егор сидел, прижимая руку к груди, глаза расширенные, но живые. Глеб лежал неподвижно, но грудь его вздымалась — слабо, но вздымалась.

— Держитесь, — выдохнул я, хотя знал, что меня почти не

слышно. Подхватил Егора под плечо: — Вставай. Надо идти.

Ноги у него подкосились, он снова осел. Я не стал тратить время на уговоры — перекинул его через плечо, как мешок, и повернулся к выходу. В этот момент потолок над нами дрогнул, и балка рухнула совсем рядом, перекрыв тот путь, по которому мы только что пришли.

Проклятие обожгло язык, но я не позволил себе ни секунды на злость. Второй путь был длиннее, но сейчас он был единственным. Я двинулся туда, таща Егора, стараясь не смотреть на Глеба, потому что знал: если начну думать, что не смогу вытащить обоих, я вообще ничего не сделаю.

Когда мы вырвались наружу, воздух показался ледяным. Я опустил Егора на землю, снял маску и только тогда позволил себе сделать нормальный вдох. Лицо было мокрым от пота и копоты, а в глазах щипало так, будто туда насыпали песка.

К нам уже бежали люди, подхватывали Егора, кричали про скорую. Я хотел рвануться обратно, но меня крепко схватили за плечи — это был тот самый пожарный.

— Хватит, — хрипло сказал он. — Дальше пойдут те, у кого это работа. Ты здесь не герой, ты здесь хозяин. И тебе ещё нужно жить, чтобы эти люди не остались без защиты.

Слова ударили не грубостью, а правдой. Я стиснул зубы, кивнул, не споря. Рядом снова возник начальник охраны:

— Мы вытащили Глеба. Ожоги, но дышит. Врачи уже здесь.

— Хорошо, — тихо сказал я, глядя на горящий склад. — Теперь мы знаем, на что он способен. Но он ещё не знает, на что способны те, кто остался стоять.

Снял тяжёлую куртку, бросил на землю. Провел рукавом по лицу, стирая сажу, и посмотрел на начальника:

— Собери всех, кто выжил. Пусть дадут показания. И пусть Вадим получит каждую запись с камер. Я хочу знать не только, кто подложил взрывчатку. Я хочу знать, кто стоял рядом и смотрел. Кто улыбался, когда это началось.

Тот кивнул, и в его взгляде было не просто подчинение — было уважение. То самое, которое не покупается и не раздаётся просто так.

Телефон в кармане завибрировал. Я достал его и увидел сообщение от Марты: «Она в порядке. Сидит с ноутбуком. Пытается делать вид, что всё нормально».

А следом — ещё одно. От Николь. Короткое, простое, но от него по спине пробежало не тепло, а что-то похожее на силу: «Я в порядке. Просто хотела, чтобы ты знал».

Я замер на секунду, глядя на эти слова. И вдруг понял: самое важное, что я сегодня сделал, — это не то, что вытащил людей из огня. Самое важное — что она могла написать эти слова. Что она всё ещё верила, что я держу ситуацию.

Набрал короткий ответ: «Держись. Скоро буду». Убрал телефон, чувствуя, как в груди снова собирается та самая стальная решимость, которая не даёт сломаться.

Где-то вдали завывали сирены. Пожарные продолжали бо-

роться с огнём, а люди вокруг уже не метались — они действовали чётко, потому что знали: их хозяин вернулся. И теперь он не просто будет гасить пожары. Он будет закрывать дыры. Строить заново. И защищать то, что осталось.

Я посмотрел на догорающий склад, и в голове щёлкнуло, как затвор. Марков ударил в самое сердце моей системы. Но он забыл одну вещь: сердце умеет биться даже сквозь пепел.

Глава 14

Я сидел в машине, всё ещё чувствуя, как жар от склада въедается в кожу, будто хотел напомнить: ты не можешь просто уехать и сделать вид, что ничего не случилось. Телефон лежал на колене, тяжёлый, будто сам знал, что сейчас в нём — не просто сообщения, а ключи к чему-то большему.

Экран вспыхнул. Новое уведомление — от Вадима. Не отчёт, не сводка, а одно короткое: «Посмотри. Это важно. Расшифровка разговора. Марков и Андрей. Дата — полтора года назад».

Я стиснул зубы, но палец сам потянулся к файлу. Открыл. И сразу увидел пометку: «Запись сделана на закрытой встрече в загородном клубе Северный берег. Источник — внутренняя камера охраны, доступ был у доверенного лица».

И дальше — текст, сухой, как пепел, но бьющий точно в висок.

Марков: Ты понимаешь, что ты делаешь, Андрей? Ты не просто просишь отсрочку. Ты предлагаешь мне рычаг.

Андрей: У меня нет выбора. Ты сам знаешь, сколько на мне висит. Если я не закрою этот долг, придут другие. И тогда я не смогу защитить даже то, что мне дороже всего.

Марков: Дороже всего... Ты про дочь? Про Николь?
(Пауза.)

Андрей: Да. Если ты дашь мне ещё месяц, я найду деньги. Я всё верну. Но прошу: не трогай её. Не втягивай.

Марков: А если я скажу, что она уже втянута? Что сам факт твоего долга делает её частью игры? Ты ведь не думал об этом, правда? Ты думал: подпишу пару бумаг, отдам проценты, и всё вернётся на круги своя. Но в нашем мире долги не сгорают. Они переходят. Как наследство.

Андрей: Я не хочу, чтобы она стала наследством.

Марков: Тогда давай договоримся. Ты даёшь мне доступ к тем маршрутам, о которых мы говорили. И ещё — ты не мешаешь, когда я буду укреплять позиции в центре. Взамен я не трогаю девочку. И даю тебе эти тридцать дней. Но помни: если ты попытаешься играть против меня, если попробуешь сбежать или найти другого покровителя — я сделаю так, что она почувствует этот ветер первой.

Андрей: (шёпотом) Ты не человек.

Марков: Я — реальность, Андрей. И если ты хочешь, чтобы твоя дочь жила в мире, где есть хоть какие-то правила, тебе придётся принять мои.

Я дочитал и медленно опустил телефон. В груди что-то сжалось, но не от злости — от понимания. Всё это время я думал, что Николь оказалась в этой сделке из-за одного отчаянного шага её отца. Из-за одной ночи, когда он поставил её на кон, чтобы спасти себя. Но теперь становилось ясно: это не было внезапным решением. Это был долгий, мучительный торг. Долг, который копился. И Марков не просто

воспользовался слабостью Андрея — он годами выстраивал эту ловушку, зная, что рано или поздно тот сломается.

Николь не была случайной ставкой. Она была частью плана. С самого начала.

Я провёл ладонью по лицу, стирая сажу, но ощущение грязи не уходило. Теперь я понимал, почему Марков так спокойно говорил про «передел влияния», почему не цеплялся за маршруты и поставки. Ему не нужны были склады. Ему нужно было, чтобы я рухнул. Чтобы город увидел: даже такой, как Орлов, может потерять контроль. А Николь — она была не просто разменной монетой. Она была ключом. К памяти Андрея. К моим слабостям. К тому, что я не мог позволить себе потерять.

Телефон снова завибрировал. Вадим. Короткое сообщение: «Нашли ещё одну деталь. В тот же день Андрей подписал доверенность на передачу доступа к системе видеонаблюдения в старом районе. Подпись — его. Печать — подлинная. Это не подделка. Он сам открыл ему дверь».

Я прикрыл глаза. Блять. Вот оно. Вот где Марков нанёс первый удар — не по складу, не по людям, а по доверию. Он заставил отца Николь поверить, что у него есть выбор, а потом забрал всё, что тот мог отдать. И оставил ему только одно: надежду, что дочь останется в стороне.

Я снова открыл файл, пролистнул до последней строки расшифровки. Там была ещё одна фраза, почти незаметная, но теперь она звучала как приговор:

Марков: Не переживай, Андрей. Когда всё закончится, она даже не поймёт, что была в игре.

Она не поняла. До самого конца. До алтаря. До моего имени, ставшего для неё новой клеткой.

Я набрал Вадима.

— Найди всё, что есть по этой встрече в «Северном берегу», — голос мой звучал ровно, но в нём уже не было прежней уверенности — только холодная решимость. — Все камеры, все логи, все записи. Кто был в зале, кто стоял у дверей, кто смотрел на Андрея, когда он подписывал бумаги. Мне нужно знать, кто ещё был в этом с ним. Кто знал. Кто молчал.

Вадим не стал задавать лишних вопросов. Только коротко бросил:

— Уже ищу.

Я сбросил вызов и снова посмотрел на экран. Там, под расшифровкой, было ещё одно уведомление — от Марты: «Она уснула за ноутбуком. Я накрыла её пледом. Всё тихо».

Внутри что-то дрогнуло. Не от усталости. От боли. Потому что теперь я знал: тишина, которую она пыталась удержать, была построена на лжи. На чужой слабости. На чужом отчаянии.

Я положил телефон на колено, сжал пальцы в кулак и выдохнул.

Я плавно тронулся с места. Дорога впереди была тёмной, но я больше не ехал вслепую. Теперь я видел контуры ло-

вушки. И знал: чтобы её сломать, нужно ударить туда, где она держится. Туда, где Марков уверен, что его не достанут.

К старому долгу Андрея. К тем самым маршрутам, которые он когда-то отдал. К системе, которую он открыл. К людям, которые молчали.

Я ехал домой. Не чтобы спрятаться. А чтобы собрать силы. И чтобы, когда Николь проснётся, она увидела не тень страха, а человека, который наконец понял, с кем они имеют дело. И который готов был драться не за власть — а за то, чтобы её мир больше никогда не рушился из-за чужих долгов.

Машина въехала в ворота поместья, и мир будто сбросил громкость. Там, на окраине, ревели сирены, трещали рации, воздух был пропитан гарью и паникой. Здесь — только тихий шелест листвы, ровный свет фонарей и тяжёлая, почти неестественная тишина, которую дом держал, как щит.

Я заглушил мотор, но не сразу вышел. Посидел ещё минуту, вглядываясь в тёмные окна, будто пытался заранее увидеть, что меня ждёт. Запах дыма всё ещё висел на одежде, въелся в волосы, и я знал: если сейчас войду в дом, этот запах пойдёт за мной, прилипнет к стенам, проникнет в ту комнату, где Николь пыталась делать вид, что все нормально.

Дверь я открыл тихо, почти бесшумно. В холле горел только дежурный свет — тусклый, жёлтый, будто дом сам решил не тревожить тех, кто внутри. Тишина здесь была не пустой, а собранной: в ней чувствовалось, что люди не спят, не от-

дышают, а держат оборону, просто делают это без лишних звуков.

Из боковой двери бесшумно вышел Макар. Не бросился с докладами, не зашептал тревожно. Просто встал рядом, ровно, как часовой, и коротко кивнул:

— Всё под контролем. Периметр усилен. Марта с ней.

Я молча кивнул в ответ. Этого было достаточно.

— И ещё... — Макар чуть помедлил, будто сам не хотел произносить эти слова. — Вадим прислал последние данные по камерам у северной стены. Там снова кто-то крутился. Не близко, но...

— Я знаю, — оборвал я, не давая ему закончить. — Сейчас не это главное.

Он снова кивнул, понял без объяснений: сейчас главное — не периметр. Сейчас главное — то, что внутри.

Я пошёл по коридору. Ковёр гасил шаги, и от этого казалось, что я двигаюсь не по дому, а сквозь сон. Дверь в восточное крыло была чуть приоткрыта — так, чтобы можно было слышать, если кто-то позовёт. Я остановился у порога, не решаясь войти.

Она свернулась калачиком прямо на диване, подтянув колени, как ребёнок, который хочет стать меньше, спрятаться от всего мира. Плед, накинутый Мартой, сполз, и я сделал шаг вперёд, чтобы поправить его, но замер, не дотронувшись. Боялся разбудить. Боялся, что, открыв глаза, она сразу увидит по моему лицу, что мир не просто треснул — он

разваливается на куски.

Я стоял и смотрел на неё, и в груди что-то сжималось так, что становилось трудно дышать. Не от усталости. От тяжести правды, которую я теперь знал. Правды, которая делала этот тихий сон почти преступлением — потому что я не имел права позволять ей спать спокойно, пока не разберусь с тем, что оставил её отец.

Тихо, чтобы не скрипнуть паркетом, я отошёл от двери и прикрыл её, оставив лишь узкую щель. Потом прошёл в свой кабинет. Здесь всё было на своих местах: тяжёлый стол, карты города, сейф, который открывался только по отпечатку и коду. Но сейчас всё это казалось декорацией. Потому что настоящая война шла не на улицах. Она шла в старых записях, в чужих обещаниях, в долгах, которые передавались, как проклятие.

На столе лежал планшет. Я открыл его, снова вывел на экран ту самую расшифровку разговора Маркова с Андреем. Прочитал последнюю фразу ещё раз: «Не переживай, Андрей. Когда всё закончится, она даже не поймёт, что была в игре».

Теперь она поймёт. Рано или поздно. И я должен сделать так, чтобы, когда это случится, она не почувствовала себя преданной дважды — сначала отцом, а потом мной.

Телефон завибрировал. Вадим.

— Есть ещё одна деталь, — голос его звучал устало, но собранно. — В тот же вечер, после встречи в «Северном бе-

реге», Андрей снял крупную сумму наличными. Почти всё, что оставалось на его личных счетах. И перевёл на анонимный кошелёк. Мы не можем отследить дальше, но... Олег, похоже, он пытался что-то сделать. Не сдаться. Не просто подписать бумаги. Он пытался найти другой выход.

Я прикрыл глаза, чувствуя, как злость, которую я копил на Андрея, вдруг теряет остроту. Потому что теперь он казался не предателем, а загнанным в угол человеком, который хватался за соломинки, пока его топили.

— Найди этот кошелёк, — тихо приказал я. — Любой след. Даже самый тонкий. Если он пытался бороться, я должен знать, против кого.

Вадим помолчал секунду.

— Сделаю. Но, Олег... есть ещё коечто. Марков сегодня встречался с кем-то в старом порту. Наши люди видели его машину. Встреча была короткой. И человек, с которым он говорил... это был не его человек.

Внутри всё похолодело. Если Марков встречается с кем-то вне своего круга — значит, он тоже чувствует, что почва уходит из-под ног. Значит, он ищет новые рычаги. Или новых союзников.

— Держи меня в курсе, — коротко бросил я и сбросил вызов.

Потом встал, подошёл к окну. За стеклом сад казался чёрным, безжизненным, но где-то там, в темноте, двигались тени — мои люди, мои посты, моя защита. Они не знали всех

деталей, не видели расшифровок, не понимали всей глубины этой игры. Но они стояли на месте. Потому что верили мне.

А я должен был оправдать это доверие. Не криками, не угрозами, а расчётом. Холодным, безжалостным, но точным.

Дверь кабинета бесшумно приоткрылась, пропуская Николь внутри. На ней была только одна тёмная футболка, едва доходившая до середины бедра, её длинные, стройные ноги почти полностью были открытыми. Мягкий, рассеянный свет настольной лампы скользил по её коже, подчеркивая изгибы и создавая манящие тени.

Я застыл, остановив руку над бумагами. Все мысли мгновенно вылетели из головы, уступив место оглушающей тишине.

Она выглядела чертовски, невероятно сексуально. В этом простом, нарочито домашнем образе сочетались сжигающая откровенность и дразнящая непринуждённость. Все внутренности сжались в тугую, напряжённый узел. Вены на висках пульсировали, сердце бешено заколотилось о рёбра, отбивая рваный ритм.

Взгляд против моей воли скользнул от тонких лодыжек вверх, к краю футболки, который она теребила. Горячая волна моментально захлестнула тело, и в штанах от резкого прилива крови стало ощутимо, невыносимо твёрдо.

Николь оставалась у двери, мягко улыбаясь и улавливая каждую секунду моего оцепенения. Я тяжело сглотнул,—блять. Пытался сделать вдох, но воздух казался слиш-

ком плотным, пропитанным её тонким ароматом. Кабинет, еще минуту назад бывший строгим рабочим пространством, мгновенно превратился в территорию чистой, ничем не прикрытой страсти.

Я резко отодвинул планшет, будто он вдруг стал чем-то грязным, неправильным рядом с её тихим «можно?». Голос мой прозвучал грубее, чем хотелось:

— Проходи. Не стой на пороге.

— Расскажи, — попросила она просто. Без упрёка. Без обвинений. Только это тихое, отчаянное «расскажи», будто правда была для неё сейчас единственным якорем.

И я рассказал. Про склад, про подрыв, про то, как шёл сквозь огонь, потому что не мог оставить своих людей. А потом — про расшифровку разговора Маркова с её отцом. Про сделку, про долг, про то, как её жизнь годами использовали как разменную монету в чужой игре.

Когда я закончил, в кабинете повисла тишина — не пустая, а собранная, как перед ударом. Николь медленно выдохнула, будто сбрасывая с себя первый слой оцепенения, и посмотрела на меня так, будто только сейчас по-настоящему увидела: не грозного «хозяина города», а человека, который тоже стоит на краю и держится из последних сил.

— Что я могу сделать? — спросила она твёрдо. — Не говори «ничего». Не говори «сиди тихо». Скажи, что мне делать, чтобы я не чувствовала себя беспомощной.

— Я чуть улыбнулся — впервые за эту бесконечную ночь

улыбка получилась настоящей, без напряжения. Потому что в этот момент я понял: она не сломалась. Она стала сильнее.

Потом она подошла к столу, посмотрела на карту города, на отметки, на линии, которые я чертил, будто училась читать язык этой войны.

— Пока ты будешь разбираться с Марковым, — тихо сказала она, — я разберу старые письма отца. Может, там есть что-то, что подскажет, кто ещё был в этом с ним. Кто знал. Кто молчал.

Когда Николь подошла, я уловил исходивший от неё тёплый запах шоколадного геля для душа — мягкий, сладковатый, почти домашний. Этот аромат на секунду выбил меня из тревожных мыслей о Маркове, письмах и старых тайнах.

Мне захотелось протянуть руку и прижать её к себе, спрятать от всего, что надвигалось на нас. Но я остановил себя. Мы были в кабинете, среди карт, документов и линий, которые связывали людей с опасным прошлым. Сейчас Николь нуждалась не в порыве, а в его спокойствии.

Блять, не торопись, приказал я себе. Сначала — безопасность. Потом всё остальное.

Я посмотрел на её профиль и почувствовал, как дикое желание смешивается с тревогой. Она говорила уверенно, но я видел напряжение в её пальцах, когда она коснулась края карты. Старые письма отца могли изменить всё — раскрыть имена сообщников, объяснить исчезновения и показать, кому выгодно было молчание.

Я медленно накрыл её руку своей.

— Ты не будешь разбирать их одна, — сказал я. — Что бы мы ни нашли, мы разберёмся с этим вместе.

Николь подняла взгляд. В её глазах мелькнуло удивление, а затем — осторожное доверие. Я почувствовал, что желание прижать её к себе никуда не исчезло, но теперь в нём было не только влечение. Это была потребность защитить её и не позволить прошлому снова забрать у них выбор.

— Давай отложим это на завтра, — тихо сказал я, с трудом заставляя себя отвести взгляд от её губ. — Уже слишком поздно, а нам обоим завтра нужны свежие головы. И чистые мысли.

Николь молча посмотрела на меня. В её тёмных глазах отразилось понимание — она видела, каких усилий мне стоило держать себя в руках. Она едва заметно кивнула, соглашаясь. Напряжение, висевшее в воздухе, стало почти осязаемым, но разум всё же взял верх над обоими.

— Ты прав, — так же тихо ответила она. — Завтра. Начнем с самого утра.

Она сделала шаг назад, и это небольшое расстояние между ними показалось мне физически холодным. Николь бросила быстрый взгляд на карту, затем снова на меня, тепло улыбнулась на прощание и медленно пошла к выходу. При каждом её шаге подол футболки слегка приподнимался, вновь обнажая изгибы её бёдер, и мне пришлось сжать кулаки, чтобы не потянуться к ней в последний момент.

— Доброй ночи, Олег, — мягко произнесла она у самого порога.

— Доброй ночи, Николь.

Дверь за ней бесшумно закрылась.

Я остался в кабинете один. Тяжело опустился в кресло, откинув голову на спинку, и глубоко вздохнул. В комнате всё ещё отчётливо ощущался сладкий, манящий аромат шоколадного геля для душа. В штанах по-прежнему было невыносимо тесно, а сердце никак не хотело возвращаться к нормальному ритму.

Я закрыл глаза, понимая, что эта ночь для меня будет очень долгой. Мысли о Маркове, войне за влияние и старых письмах её отца теперь тесно переплелись с образом Николь в одной лишь футболке, стоящей у моего стола. Завтра нам предстояло погрузиться в опасные тайны прошлого, но прямо сейчас всё, о чём я мог думать — это её тепло, которое я так отчаянно хотел почувствовать.

Глава 15

Солнечный свет едва пробивался сквозь плотные шторы, оставляя на потолке моей комнаты узкую золотистую полосу. Я открыла глаза и на несколько секунд осталась лежать без движения, ловя момент короткого, обманчивого покоя, когда сон уже ушел, а реальность еще не успела обрушиться всей своей тяжестью.

В комнате царила тишина, но внутри меня всё гудело от мыслей.

Я повернула голову к окну. В памяти неожиданно всплыл образ отца — его спокойный, глубокий голос, его вечная привычка взъерошивать волосы, когда он над чем-то задумывался. Как давно это было? Казалось, в другой жизни. Было время, когда моим самым большим волнением были экзамены в университете. Я вспомнила те беспечные годы: шумные холы аудиторий, залитый солнцем внутренний дворик, звонкий смех друзей, с которыми мы пили обжигающий кофе из бумажных стаканчиков и спорили обо всём на свете. У нас были прозрачные, понятные планы на будущее. Мы думали, что мир принадлежит нам.

Теперь от той жизни не осталось ничего. Друзья рассеялись, папы больше нет, а вместо лекций и конспектов вокруг меня закрутилась опасная, жестокая война. Карты, линии, отметки, имя Маркова, повисшее над нами угрюмой тенью,

и старые папины письма, которые мне только предстояло открыть.

На мгновение к горлу подступил ком. Мне стало так невыносимо грустно по той, прежней Николь — наивной, не знавшей страха и боли. И одновременно с этим накатила волна липкого, ледящего страха: а что дальше? Что мы найдём в этих конвертах? Чем закончится эта схватка, и выберемся ли мы из неё живыми?

Я тяжело вздохнула, прижала ладонь к груди и перевернулась на спину, уставившись в потолок.

Вместе с тревогой в мысли непослушно прокрался другой образ. Олег.

Перед глазами тут же встала картина вчерашнего вечера. Поздний час, полутёмный кабинет, запах моего шоколадного геля для душа и я — в одной лишь длинной футболке, едва прикрывающей бёдра. Я до сих пор помнила тот момент, когда он поднял взгляд.

Олег застыл. Я физически ощутила, как между нами электризовался воздух. В его глазах вспыхнул такой темный, сокрушительный огонь, от которого у меня самой перехватило дыхание. Я видела, как напряглось его тело, как тяжело ему давалось каждое слово и как сжимались его кулаки от нечеловеческого усилия остаться на месте, не сорваться, не прижать меня к себе.

Я провела пальцами по губам, припоминая, как сильно мне тогда хотелось сделать шаг навстречу, почувствовать его

руки на своей талии.

Лежа сейчас в постели, я осознала: то, что я чувствую к Олегу — это не просто благодарность за защиту или сильное притяжение. Это было нечто совершенно новое. За всю свою жизнь я никогда не испытывала ничего подобного. Это чувство было глубоким, остролихорадочным и одновременно пугающим. С ним я ощущала себя уязвимой, беззащитной, но в то же время впервые за долгий срок — по-настоящему живой и понятой.

Я закрыла глаза, сделала глубокий вдох и сжала в кулаке край одеяла. Пора было вставать. За дверью меня ждали ответы на загадки прошлого, опасности будущего... и мужчина, от одного воспоминания о взгляде которого сердце начинало стучать со сбившимся, бешеным ритмом.

Сбросив оцепенение, я наконец заставила себя подняться с кровати. Направилась в гардеробную, чтобы выбрать одежду. Никаких откровенных нарядов — сегодня нам предстоит тяжелый день, и мне нужна была предельная концентрация.

Я достала из шкафа простую белую футболку из мягкого хлопка и привычные, хорошо сидящие джинсы. Плотная ткань джинсов и удобный крой давали ощущение собранности и какой-то внешней защиты, словно это была моя скромная броня на предстоящий день. Быстро расчесала волосы, оставив их ниспадать по плечам, и на мгновение замерла перед зеркалом. Засекла в своём отражении бледность и затаённое волнение в глазах. Сделав глубокий вдох, я решитель-

но повернулась и вышла из комнаты.

Спустившись по широкой лестнице на первый этаж, я сразу уловила витавший в воздухе бодрящий, насыщенный аромат свежесваренного кофе.

Олег уже ждал меня за обеденным столом. Он сидел с чашкой в руках, смотрел в окно на залитый утренним светом сад и, казалось, был глубоко погружен в свои мысли. На нем была строгая рубашка с расстегнутым воротом, но за этой внешней собранностью я угадывала то же напряжение, которое испытывала сама.

Услышав мои шаги, Олег обернулся и поднял взгляд. На секунду между нами снова пробежала та самая электрическая искра, от которой у меня перехватило дыхание. Его глаза скользнули по моей белой футболке и джинсам, и в его взгляде на мгновение вспыхнула тёплая, почти невидимая постороннему улыбка, за которой пряталась память о нашей вчерашней встрече в кабинете.

— Доброе утро, — тихо произнесла я, подходя к столу и чувствуя, как ускоряется пульс.

— Доброе утро, Николь, — его голос звучал бархатисто и глубоко. — Как спалось?

— На удивление хорошо, если не считать мыслей, которые не давали покоя, — честно призналась я, садясь напротив.

Олег подвинул ко мне чашку с горячим кофе. На мгновение наши пальцы соприкоснулись, и меня словно ударило слабым током. Я подняла на него глаза и увидела, что он то-

же замер, не спеша отводить руку.

— Ты уверена, что готова сегодня читать эти письма? — мягко спросил он, и в его тоне прозвучала не просто забота партнёра, а нечто гораздо более личное. Защитническое. — Мы можем отложить, если тебе нужно время.

— Нет, — я качнула головой и сделала глоток обжигающего напитка, чувствуя, как его тепло разливается по телу. — Чем дольше мы откладываем, тем больше времени даём Маркову. К тому же... ты обещал, что мы сделаем это вместе.

Олег чуть заметно улыбнулся — той самой скупой, уверенной улыбкой, от которой у меня внутри всё сладко замирало.

— Обещал. И от своих слов не откажусь. Допивай кофе. Как только закончим с завтраком — поднимемся ко мне в кабинет и вскроем этот архив.

Я смотрела на него, на его сильные руки, уверенные движения, сильный профиль, и ловила себя на мысли, что рядом с этим мужчиной мне больше не страшно. Что бы ни скрывали старые папины бумаги, какие бы призраки прошлого ни вышли из тени — с Олегом я готова была встретить всё.

Глава 16

Завтрак прошёл в почти полном молчании, но это не было тягостным тишиной. Нам не нужно было заполнять воздух лишними словами — всё главное уже было сказано, а то, что оставалось несказанным, висело между нами плотным, осязаемым напряжением.

Допив кофе, Олег поднялся первым. Едва заметным движением он предложил мне следовать за ним.

— Пойдём? — тихо спросил он.

Я кивнула, вставая из-за стола.

Поднимаясь по лестнице вслед за ним, я поймала себя на том, что пристально смотрю на его широкие плечи и уверенный размах шага. С каждым ступенем, приближавшим нас к его кабинету, внутри меня нарастала странная смесь эмоций. С одной стороны, я невольно вспоминала вчерашний вечер: как шагнула через этот порог в одной лишь длинной футболке, как застыл Олег, с каким нескрываемым, сокрушительным желанием он смотрел на меня. Мои щёки вспыхнули от этой мысли, а пульс моментально участился.

С другой стороны, сейчас мы шли туда не за страстью, а за правдой, которая могла перевернуть всё.

Олег толкнул тяжелую деревянную дверь и пропустил меня вперёд. В кабинете всё оставалось ровно так, как мы оставили ночью: на огромном столе раскинулась карта города с

его четкими, резкими пометками, а рядом лежала небольшая кожаная папка — старый архив моего отца.

В кабинете пахло деревом, дорогой кожей и тем самым лёгким шлейфом моего шоколадного геля для душа, который остался здесь с прошлого вечера. Этот едва уловимый запах словно связывал вчерашнее безумие с сегодняшней суровой реальностью.

Я подошла к столу и остановилась. Пальцы едва заметно дрогнули, когда я протянула руку к папке. В ней лежали не просто пожелтевшие листы — там покоилась память об отце, его секреты, его страхи и, возможно, имена тех, кто его предал. Кого-то, кто знал Маркова. Кого-то, кто молчал все эти годы.

— Страшно? — тихо прозвучал голос Олега прямо за моей спиной.

Он подошёл так близко, что я почувствовала исходящее от него тепло. Олег не стал обнимать меня, хотя я физически ощущала, как сильно ему этого хочется, но накрыл мою дрожащую ладонь своей широкой, горячей ладонью. Его пальцы сжались чуть сильнее, даря мне ту самую уверенность, которой мне так не хватало.

— Немного, — честно призналась я, не отводя взгляда от папки. — Вдруг там окажется то, к чему я не готова? Вдруг папа... был не тем, кем я его считала?

Я повернула голову и встретилась с его тёмным, глубоким взглядом. В нём больше не было той дикой, сжигающей стра-

сти, что ослепляла его ночью — сейчас в его глазах читалась абсолютная, несокрушимая верность. И это проникало в душу гораздо глубже любых пылких признаний.

Сделав глубокий вдох, я кивнула.

— Хорошо. Давай откроем их.

Олег выдвинул для меня кресло, а сам остался стоять рядом, опёршись рукой о край стола. Я расвязала потёртый тёмчатый шнурок, развернула плотную бумагу и выложила на стол стопку пожелтевших конвертов. На самом верхнем из них знакомым, чуть размашистым почерком отца было написано всего одно слово: «Николь».

Пальцы дрожали, когда я надрывала плотную бумагу конверта. На пожелтевшем листе проступил знакомый, слегка размашистый почерк отца. Каждая строчка пахла старым табаком и временем — тем самым временем, когда я ещё считала его всемогущим и непогрешимым.

Олег стоял рядом. Я ощущала его присутствие каждой клеточкой кожи — его тяжёлое, ровное дыхание, его тепло. Сделав глубокий вдох, я начала читать.

«Моя дорогая Николь...

Если ты читаешь это письмо, значит, меня уже нет рядом, а ты оказалась в эпицентре бури, от которой я так отчаянно пытался тебя укрыть. Я знаю, сколько вопросов и боли жило в твоём сердце все это время. Я знаю, что ты могла подумать, будто я предал тебя, бросил или заключил сделку с дьяволом за твоей спиной. Но умоляю тебя, выслушай меня хотя бы

сейчас.

Я никогда не предавал тебя, дочка. Всё, что я делал — каждый шаг, каждое решение — было ради того, чтобы ты осталась жива.

Человек, с которым я столкнулся — Завьялов — это не просто соперник или враг. Это настоящий монстр, у которого нет ничего святого. Он одержим властью и жестокостью. Но страшнее всего то, как он относится к женщинам. Для него они — лишь трофеи, игрушки, которые он ломает и выбрасывает без тени сожаления. Когда Завьялов узнал о твоём существовании, он сделал всё, чтобы добраться до тебя. Он хотел забрать тебя, чтобы сломать меня, превратить твою жизнь в настоящий ад.

Я безумно боялся за тебя, Николь. Каждую ночь меня задушил леденящий страх, что я не успею, не смогу спрятать тебя от его рук. У меня не оставалось вариантов. Единственным спасением, единственной крепостью, которую он не смог бы пробить, был Олег.

Наша сделка, твоё замужество с Олегом — это не случайно выросший контракт и не моя глупая ошибка. Это был единственный способ вырвать тебя из лап Маркова. Я знал, что Олег — единственный человек, способный дать ему отпор. Человек чести, силы и невероятной внутренней стойкости. Я отдавал тебя ему с тяжёлым сердцем, но с абсолютной уверенностью: Олег никогда не даст тебя в обиду. Он защитит тебя любой ценой, даже ценой собственной жизни.

Прости меня за то, что не мог рассказать всё раньше. Прости за страх, через который тебе пришлось пройти. Знай, что я любил тебя больше жизни.

Твой отец».

Строчки перед глазами расплылись. Слеза сорвалась с ресниц и упала прямо на пожелтевший лист, оставшись тёмным пятном рядом с подписью отца.

Все это время я думала, что отец продал мою судьбу, что мой брак с Олегом был лишь холодной сделкой двух могущественных кланов. А оказалось... это была спасательная операция. Отец отдал меня человеку, которому верил больше, чем себе, лишь бы уберечь от жестокости Маркова.

Моё дыхание перехватило. Ужас перед тем, кем на самом деле был Марков, смешался с оглушительным облегчением: отец не предавал меня. Он просто пытался меня спасти.

Я медленно опустила письмо на стол и подняла глаза на Олега.

Он стоял над строками, и по его застывшему, окаменевшему лицу я поняла: он не знал. Он всё это время не знал, какую роль сыграл в моей жизни, от чего именно меня защищал и какую ответственность взял на свои плечи, когда назвал меня своей женой.

Я смотрела на его сильные плечи, на сжатые в кулаки пальцы, и внутри меня всё перевернулось. Человек, который стоял передо мной, был не просто моим защитником.

Он был моим спасителем.

Глава 17

Я смотрел на Николь, пока она читала. Её плечи мелко дрожали, а в тишине кабинета было слышно лишь прерывистое дыхание. Когда она закончила и подняла на меня глаза — полные слёз, боли и неожиданного прозрения, — я почувствовал, как внутри меня что-то обрывается.

Я протянул руку, чтобы взять письмо, и мои пальцы, обычно стальные и уверенные, на секунду замерли. Пробежав глазами по строкам, написанным почерком её отца, я застыл.

«...Единственной крепостью, которую Марков не смог бы пробить, был Олег... Я отдавал тебя ему...»

В голове всё перевернулось.

Все это время я думал, что Андрей — отец Николь — был холодным циником. Я был уверен, что наш брак был самой банальной, самой грязной сделкой. Я считал, что он загнал себя в угол из-за долгов и просто продал мне свою дочь, как актив, чтобы спасти себя. Я презирал его за это. Я иногда смотрел на Николь и чувствовал укол вины, потому что считал себя владельцем того, что было получено обманом.

А оказалось...

Андрей обвёл меня вокруг пальца. Он разыграл партию, где я был не просто боссом мафии, а единственным, кому он доверил самое дорогое, что у него было — жизнь дочери.

Он использовал моё честолюбие, мою принципиальность и мою способность держать удар, чтобы превратить меня в её живой щит.

Я чувствовал, как желваки заходили на скулах. Это была блестящая, дьявольски хитрая игра. Андрей знал меня лучше, чем я сам. Он знал, что я не смог бы просто «защищать» её по контракту. Он знал, что если он отдаст её мне как жену, я буду защищать её с яростью человека, охраняющего собственную жизнь.

Я посмотрел на Николь. Она смотрела на меня так, будто впервые увидела по-настоящему.

— Олег... — прошептала она, и в этом звуке было столько доверия, что меня едва не сбило с ног. — Ты знал? Ты знал, что это не сделка?

Я отложил письмо. Моё горло сдавило.

— Нет, — мой голос прозвучал глухо, как будто я говорил через толщу воды. — Я думал, что купил тебя, Николь. Я презирал его за это. Каждый день я корил себя за то, что позволил ему повернуть эту сделку, что я стал частью его игр. Я думал, что я просто... очередной инструмент в его руках.

Я сделал шаг к ней, сокращая последнее расстояние. Я хотел коснуться её, но боялся, что если прикоснусь — сорвусь.

— Он обманул нас обоих, — продолжил я, чувствуя, как внутри закипает странная смесь гнева на человека и огромного, всепоглощающего облегчения. — Но, чёрт возьми, Ни-

коль... Если бы он не сыграл так, если бы не этот его риск... я мог бы никогда не узнать тебя по-настоящему.

Я увидел, как в её глазах отразилось моё собственное смятение. Мы оба были пешками в игре человека, которого давно нет, но чья воля продолжала направлять наши жизни. И теперь, когда пелена спала, я наконец понял: я не просто её «муж по контракту» или защитник. Я был тем, кому отец доверял больше жизни.

И я не собирался подвести его — или её. Никогда.

Чем глубже мы погружались в архив Андрея, тем яснее я понимал: мы наткнулись не просто на финансовые махинации или личную месть. На пожелтевших листах разворачивалась анатомия масштабного заговора, о существовании которого я даже не догадывался.

Я перебирал зашифрованные схемы владения теневыми активами, выписки с офшорных счетов и копии короткими, отрывистыми фразами записанных переговоров. На нескольких документах стояла особая печать — старый символ, который я не видел уже лет десять.

Моя кровь буквально заledenела.

— Олег? — Николь заметила, как изменилось моё лицо.
— Что там?

Я не ответил сразу. Я молча сопоставлял даты, имена и суммы. Марков и Завьялов... Они не были просто покровителем и исполнителем. Они были частью одного плана. Более того, Завьялов годами выстраивал в тени моей организации

параллельную структуру.

Всё это время, пока я удерживал контроль над городом, собирал синдикат в единый кулак и вёл внешние войны, за моей спиной рвалась к власти гидра. Марков был их силовой группировкой, Завьялов — политическим и финансовым прикрытием. Они объединились в клан с одной-единственной целью: свергнуть меня с поста Босса.

Переворот. Вот что они планировали.

Андрей — отец Николь — случайно или намеренно вышел на эту сеть. Он понял, что Завьялов и Марков готовят масштабный бунт, чтобы убрать меня, разорвать территорию на части и занять моё место во главе мафии. Когда они узнали, что Андрей вскрыл их заговор, они обложили его со всех сторон.

Вот почему Андрей бегал между ними, как по минному полю. Когда он пытался выдать Николь за Завьялова, он судорожно искал способ внедрить свою дочь в верхушку готовящегося переворота, чтобы спасти ей жизнь. Но как только он понял, что они планируют физически уничтожить меня и всех, кто мне лоялен, Андрей осознал: Завьялов избавится от Николь сразу после того, как они возьмут власть.

И тогда он сделал единственный ход, который застал бунтовщиков врасплох. Андрей привёл Николь ко мне.

Он отдавал её не просто человеку с деньгами. Он отдал её действующему Боссу — единственному мужчине, у которого хватало сил, ресурсов и жестокости, чтобы раздавить этот

выросший за спиной клан.

— Они метили в меня, — глухо сказал я, опершись руками о стол и неотрывно глядя на схемы. — Всё это время, Николь. Твой отец узнал о готовящемся мятеже. Марков и Завьялов создали тайный альянс внутри моей территории. Они искали момент, чтобы нанести удар мне в спину и забрать всё.

Николь ахнула, прикрыв рот ладонью:

— Значит... отец защищал не только меня?

— Он понял, что если упаду я — упадет всё. И ты погибнешь первой, — я поднял на неё взгляд.

Внутри меня больше не было сомнений или замешательства. Проснулось то самое чувство, которое сделало меня тем, кто я есть — холодная, беспощадная ярость Босса, чей трон дерзнули попытаться отнять. Но теперь к этой ярости добавилось кое-что новое. Личное.

Они не просто хотели устроить переворот в моём клане. Они заставили эту девушку пройти через ад, они скорее всего убили её отца и смели думать, что смогут забрать её у меня.

Я подошёл к Николь, взял её за плечи и потянул к себе, на этот раз не сдерживая порыва. Впечатал её тело в своё, почувствовав, как она доверительно прижалась ко мне, уткнувшись лицом в мою грудь.

— Олег... — прошептала она, её пальцы сжались на моей рубашке.

— Слушай меня внимательно, — ответил я низким, тихим голосом, от которого веяло смертью для наших врагов. — Они думали, что ведут эту игру втайне. Они думали, что я слеп. Но твой отец дал нам всё, чтобы выжечь эту дрянь дотла. Завьялов и Марков решили, что могут забрать мою власть и твою жизнь.

Я нагнулся и оставил короткий, жгучий поцелуй на её виске, ощущая, как она трепещет в моих руках.

— Теперь это не просто защита, Николь. Это война. И я уничтожу их клан до последнего человека. За твоего отца. За тебя. И за то, что они посмели косо посмотреть на то, что принадлежит мне.

Глава 18

Я сидела на краю кровати в своей полутёмной спальне, обняв себя за плечи. В ушах всё ещё гулел голос Олега, а перед глазами плыли схемы, имена и письмо отца.

Информация, которая обрушилась на меня сегодня, была подобна лавине. Мой отец не был предателем или холодным бизнесменом. Он был человеком, зажатым между двумя смертельными жерновами — Марковым и Завьяловым, двумя главами теневого клана, готовыми уничтожить всё на своём пути ради власти. И единственный, кому он смог доверить мою жизнь, был Олег — глава мафии, против которого плелась эта кровавая интрига.

Но среди всего этого хаоса мыслей в глубине души тонкими иглами покалывал один невыносимый, безумный вопрос: а жив ли отец? Если жив, то где он?

Я тяжело вздохнула и заставила себя подняться. Прощаясь по комнате, пытаюсь стряхнуть с себя липкое оцепенение.

Нужно было отвлечься. Вернуться к чему-то нормальному, понятному, из той, прежней жизни. Мой взгляд упал на рабочий стол, где аккуратной стопкой лежали университетские учебники и распечатки. До того как всё рухнуло, я училась на медицинском. Простая, человеческая жизнь — лекции, зачёты, анатомия.

Я подошла, выдвинула стул и открыла толстую тетрадь с конспектами по анатомии человека. Жёлтые маркеры, аккуратные латинские термины, схемы строения нервной системы и сердца. Мне нужно было заставить свой мозг работать, вспомнить, кто я такая за пределами этой мафиозной войны. Нельзя до конца терять себя.

Я облокотилась на стол, уперлась лбом в ладони и попыталась вчитаться в страницу:

«Задняя межжелудочковая борозда сердца (sulcus interventricularis posterior) направляется к верхушке сердца, где соединяется с передней...»

Я дочитала до конца предложения, но смысл слов абсолютно не дошёл до сознания. Буквы казались просто черными значками на белой бумаге.

Сделав глубокий вдох, я заставила себя пробежать взглядом по строчке снова.

«Задняя межжелудочковая борозда сердца направляется к верхушке...»

Перед глазами тут же встал Олег. Его тёмный, обжигающий взгляд. Его горячие пальцы на моей талии. Его тихий, низкий голос, в котором звучала обещающая расплату за меня ярость: «...За твоего отца. За тебя. И за то, что они посмели косо посмотреть на то, что принадлежит мне».

Моё собственное сердце пропустило удар, а затем бешено заколотилось о рёбра.

Я зажмурилась, мотнула головой и снова уставилась в кон-

спект. Третий раз.

«Задняя межжелудочковая борозда сердца...»

Четвёртый.

Слова расплывались. Я перечитывала одну и ту же строчку раз за разом, но вместо строения человеческого органа видела лишь лицо Олега, слышала шёпот отца в письмах и ощущала, как липкий страх за будущее переплетается с сокрушительным чувством к человеку, который стал моей единственной защитой.

С громким стуком я захлопнула тетрадь и откинулась на спинку стула.

Собаться с мыслями было невозможно.

Анатомия была бессильна перед тем, что происходило в моей жизни. Старый мир рухнул навсегда, и как бы я ни пыталась цепляться за тетради и лекции, я больше не была просто студенткой. Я была женщиной, стоящей за спиной Босса мафии, и прямо за нашими дверями начиналась настоящая война.

Мысли об Олеге не отпускали меня ни на секунду.

Смысл латинских терминов в конспекте по анатомии расплывался перед глазами, уступая место воспоминаниям о его тёмном, жгучем взгляде, о горячих пальцах на моей талии и о том низком, бархатистом голосе, от которого по коже бежали мурашки. Я пыталась убедить себя, что мне просто нужно отвлечься, но сердце отчаянно бунтовало. В этой огромной комнате, среди витающих в воздухе тайн и страхов, я чув-

ствовала себя слишком одинокой.

Мне нужно было увидеть его. Прямо сейчас.

Я начала судорожно придумывать повод. Спросить о дальнейших шагах? Переспросить про одну из выписок отца? Или просто сказать, что не могу оставаться одна в четырех стенах? Любая отговорка казалась глупой, но желание почувствовать его присутствие оказалось сильнее гордости и сомнений.

Решительно поднявшись из-за стола, я захлопнула тетрадь. Сделала глубокий вдох, сжала кулаки, чтобы унять лёгкую дрожь в пальцах, и быстро шагнула к выходу.

Я резко потянула ручку двери на себя и сделала широкий шаг за порог, даже не успев толком осмотреться.

И в следующую долю секунды наткнулась на невидимую стену.

Точнее, на широкую, твёрдую, как камень, грудь Олега.

От неожиданности я потеряла равновесие, ойкнула и, поскользнувшись на ровном месте, начала заваливаться назад. Но упасть мне никто не дал.

Сильные, горячие руки моментально перехватили меня за талию, прижимая к себе с такой уверенной и властной силой, что из моих лёгких разом выбило весь воздух. Я буквально упала в его объятия, уткнувшись носом в воротник его рубашки.

Меня накрыл его запах — терпкий аромат дорогого парфюма, сандала и едва уловимой нотки табака. Мои ладони

сами собой упёрлись в его плечи, и я почувствовала, как под плотной тканью напряглись его стальные мышцы.

— Тише, — прозвучал прямо над моим ухом его низкий, сочный голос.

Олег удержал меня, не давая соскользнуть вниз, но и отпускать не спешил. Его пальцы буквально въелись в мою талию сквозь тонкую ткань белой футболки.

Я медленно подняла голову. Наша близость была настолько опасной и интимной, что мой пульс зашкалил за все мыслимые пределы. Олег смотрел на меня сверху вниз, и в его тёмных, почти чёрных глазах вспыхнул тот самый сжигающий огонь, который я видела вчера в кабинете. Его дыхание коснулось моих губ, обжигая.

— Куда ты так летишь, Птенчик? — тихо спросил он, и в его тоне промелькнула полуулыбка, за которой скрывалось дикое, едва сдерживаемое напряжение.

— Я... я шла к тебе, — честно выдохнула я, забыв про все заготовленные поводы и предлоги. Мой голос звучал едва слышно. — Я не могла оставаться одна.

Уголки его губ чуть тронула улыбка — редкая, опасная и чертовски завлекающая. В этом движении не было насмешки, лишь темное, горячее торжество мужчины, который получил именно тот ответ, которого ждал.

Олег медленно разжал пальцы на моей талии. Но свобода оказалась иллюзией. Не разрывая нашего визуального контакта, он сделал шаг вперед, вынуждая меня переступить по-

рог спальни и отступить назад.

За его спиной с глухим, окончательным щелчком закрылась дверь. Этот звук прозвучал в тишине как выстрел, отрезая нас от всего остального дома, от Маркова, от опасных бумаг отца и от внешнего мира.

Олег двигался с неторопливой грацией уверенного в себе хищника. С каждым его шагом вперед я делала шаг назад, пока спина и лопатки не уперлись в твердую, холодную поверхность стены. Отступать дальше было некуда.

Но Олег не остановился. Он подошел вплотную, накрыв меня своей тенью и запахом. Его ладони с тихим хлопком уперлись в стену по обе стороны от моей головы, заперев меня в живой ловушке из его широких плеч и обжигающего тепла. Мое тело оказалось полностью прижато к его мощному корпусу, и я чувствовала, как ритмично и тяжело вздымается его грудь.

Воздух между нами мгновенно раскалился до предела. Вены на его шее чуть пульсировали, а в темных, почти черных глазах горел такой сокрушительный огонь, от которого у меня подкосились ноги.

Он слегка наклонил голову, и его горячее, рваное дыхание скользнуло по моей щеке, заставив кожу покрыться крупными мурашками. Взгляд Олега медленно скользнул по моим полуоткрытым губам, затем задержался на ключицах и снова вернулся к моим глазам.

— И зачем ты, Птенчик, шла ко мне? — тихо, с низкой,

бархатистой хрипотцой спросил он.

Это прозвище — птенчик — прозвучало из его уст настолько интимно и откровенно, что внутри меня всё сладко сжалось в тугой узел. От его голоса, от этой близости, от ощущения его стального тела, впечатанного в мое, мысли окончательно спутались.

Я стояла, прижатая к стене, чувствуя, как бешено колотится мое сердце прямо напротив его груди, и понимала, что больше не хочу и не могу придумывать никаких глупых предлогов.

Я судорожно сглотнула, пытаюсь найти хоть каплю воздуха в раскалённом пространстве между нами. Его близость оглушала. Расстояние сократилось настолько, что я чувствовала каждое движение его грудной клетки и слышала рваный, тяжёлый ритм его дыхания.

— Я... — голос сначала прервался, но я сделала глубокий вдох, заставляя себя не отводить взгляд от его темных, манящих глаз. — Я хотела увидеть тебя, Олег.

Мои пальцы неуверенно сжались на плотной ткани его рубашки прямо у него на груди, чувствуя под ладонями бешено стучащее сердце.

— Я просто больше не могла находиться одна в этих четырёх стенах, — тише добавила я, и в моем голосе против воли проскользнула обнаженная, искренняя уязвимость. — С этими воспоминаниями, с письмами отца, со страхом... Мне

нужен был ты.

На его лице мгновенно отпечаталась реакция. Опасное напряжение в его чертах на секунду смягчилось, и уголки губ медленно поползли вверх, складываясь в довольную, торжествующую и удивительно тёплую улыбку. Он остался полностью удовлетворен моим признанием. В его взгляде вспыхнуло горячее пламя мужчины, который услышал от своей женщины именно те слова, которых жаждал.

Он медленно оторвал правую руку от стены. Моё сердце сделало сумасшедший кувырок, когда его широкая, горячая ладонь поднялась к моему лицу.

Его пальцы едва ощутимо, почти невесомо коснулись моей щеки. От этого сумасшедшего контраста — между его разрушительной силой Босса мафии и этой невероятной, трепетной нежностью — у меня сладко перехватило дыхание.

Олег плавно провел подушечками пальцев по моей коже, подхватил сбежавшую прядь волос и медленно, не спеша, убрал её мне за ухо. Его большой палец на секунду задержался на мочке, а затем легко скользнул вниз по чувствительной линии шеи, оставляя за собой дорожку из пылающих мурашек.

Я невольно прищурилась и чуть подалась навстречу его руке, тихо выдохнув.

— Значит, нужен был я... — низко, с бархатистой хрипотцой проговорил он, и его взгляд скользнул к моим губам.

Сердце колотилось о рёбра с такой силой, что, казалось, этот оглушительный ритм заполнял всю комнату. Вся моя прежняя сдержанность, страхи и тяжелые мысли об отце и Завьялове сгорели в одну секунду, оставшись где-то за пределами этого мгновения.

Мой взгляд помимо воли опустился к его губам — чётким, чувственным и находящимся в каких-то невыносимых миллиметрах от моих. В этот момент я больше не думала о войне, о заговорах или неопределённом будущем. Всё, чего я отчаянно, до безумия, до дрожи в коленях хотела — это ощутить их вкус. Почувствовать, как рушится последняя преграда между нами.

Я чуть приподнялась на носочках, неосознанно облизнула пересохшие губы и снова встретилась с ним взглядом.

Олег уловил этот незамысловатый, но предельно откровенный призыв. В его тёмных глазах промелькнула едва заметная тень — секунда, всего одна секунда, когда он замер, смотря мне прямо в глубину души и окончательно теряя контроль.

И в следующее мгновение он сорвался.

Словно хищник, долго выслеживавший свою добычу и больше не способный сдерживать голод, Олег резко, властно впился в мои губы.

Я тихо ахнула от этой сокрушительной внезапности, и он тут же воспользовался этим, углубляя поцелуй. Его ладонь

на моей шее сжалась чуть сильнее, удерживая мое лицо, а вторая рука сорвалась со стены и сгребла меня за талию, намертво прижимая моё тело к своему.

Поцелуй был не мягким и не осторожным — он был диким, жадным, полным накопившейся страсти, темного желания и властной защиты. Олег забирал моё дыхание, подчинял себе каждый вдох, и я не просто отдалась этому порыву — я ответила с той же накопившейся внутри бурей. Мои пальцы впились в его плечи, запускаясь в его волосы, заставляя его прижимать меня ещё сильнее, так, чтобы между нами не осталось даже воздуха.

Мир вокруг окончательно перестал существовать. Остались только его горячие губы, его стальное тело, впечатывающее меня в стену, и опьяняющий вкус мужчины, которому я только, что сдалась без боя.

Каждый сантиметр моего тела пылал. Олег прижал меня к стене с такой силой и властью, что у меня не осталось ни единой возможности отступить — да я и не хотела этого. Когда я ощутила, что его твердый член упёрся мне в живот, сердце сорвалось в безумный, оглушительный галоп. Это неисчерпаемое, мужское желание, откровенное и нескрываемое, ударило по нервам чистым электричеством.

Он углублял поцелуй, забирая каждый мой выдох и даря взамен свой раскалённый кислород. Его губы требовали, заново переписывали все мои границы, не оставляя места ни сомнениям, ни страхам. Я захлёбывалась в этой страсти, чут-

ко отвечая на каждый нажим, на каждый ласкающий шаг его языка.

— Олег... — простонала я, едва узнавая собственный голос.

Его широкие, горячие ладони скользили по моему телу — от талии вверх по бокам, чуть сжимая ребра, затем вниз, очерчивая изгиб бёдер и сгребая ткань моей белой футболки. В этих прикосновениях было столько голодной жажды и одновременно какого-то почти безумного благоговения, будто для него в этот момент во всей Вселенной не существовало ничего, кроме меня. Ни мафии, ни врагов, ни заговоров, ни старых тайн. Всё его существо было сосредоточено на мне — на моём тепле, моих вздохах, моём судорожном шёпоте между поцелуями.

Мои руки крепче сжались на его плечах, пальцы впелись в жесткие волосы на затылке, притягивая его ещё ближе, насколько это вообще было физически возможно. Внутри меня всё сжималось в тугую, сладкий узел, а по телу прокатывались горячие волны. Я ощущала, как напряжено каждое его волокно, как тяжело и рвано вздымается его широкая грудь, накрывающая мою.

— Николь... — глухо, с задыхающейся хрипотцой выдохнул он мне прямо в губы, на мгновение оторвавшись, чтобы обжечь своим взглядом. В его тёмных глазах горел дикий, несокрушимый огонь.

Его широкая, горячая ладонь уверенно соскользнула ни-

же, между ног, проводя дорожку пламени по моей коже. Он легким движением отодвинул мои трусики, раздвигая мои складки, подушечкой большого пальца гладит мой клитор и приказывает:

— Открой глаза.

От этого нежного, но властного движения меня пробил крупная дрожь. В самом низу живота сладко сжался узел невыносимого, изнывающего желания, от которого подкашивались ноги. Я едва удерживалась на ногах, целиком полагаясь на его стальную хватку и твёрдые плечи.

Олег двигался медленно, сводя меня с ума каждым микроскопическим нажимом, каждым выверенным движением пальцев. Наш поцелуй становился всё более глубоким, жадным и требовательным. Я чувствовала, как его тяжелое дыхание смешивается с моим, а воздух в комнате раскалился до предела.

— Олег... — тихий, сорвавшийся стон вырвался из моего горла прямо в его горячие губы.

Волна страсти накрывала меня с головой, увлекая всё глубже в эту горячую, опьяняющую бездну. Но где-то на самом краю сознания, за толщей захлестнувших эмоций, затрепетала мысль: всё происходило слишком быстро.

Я упёрлась ладонями в его широкую грудь, чувствуя, как под тканью рубашки бешено колотится его сердце.

— Олег... — тихо выдохнула я, судорожно глотая воздух.
— Пожалуйста... остановись.

Он замер мгновенно. Его движение прервалось на полуслове, на полужесте. Я видела, с каким нечеловеческим трудом ему давалась эта остановка — в его тёмных глазах всё ещё пылал дикий, несокрушимый огонь, а грудь тяжело и рвано вздымалась. На секунду мне показалось, что он просто не сможет вырваться из этого безумия.

— Я... я пока не готова, Олег, — честно прошептала я, смотря ему прямо в глаза. — Я хочу этого, но не сейчас. Не так быстро.

Олег смотрел на меня несколько бесконечно длинных секунд. Я видела, как играют желваки на его скулах, как напряглось каждое волокно его тела, удерживая контроль. А затем... темный огонь в его взгляде сменился глубоким, бесконечным пониманием и такой искренней теплотой, от которой у меня перехватило дыхание.

Он не разозлился. Не упрекнул.

Олег медленно опустил меня на пол, разжимая объятия. Его пальцы, только что голодно сжимавшие мои бёдра, теперь бережно и невесомо скользнули по моей щеке. Он наклонился и нежно, с удивительной трепетностью прикоснулся губами к моему виску, оставляя там долгий, тёплый поцелуй.

— Я подожду, Птенчик, — тихо, с низкой бархатистой хрипотцой проговорил он мне в волосы. — Столько, сколько будет нужно.

Он отстранился. Ещё раз погладил взглядом моё лицо,

словно запоминая каждую черту, затем решительно повернулся и вышел из комнаты, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Я осталась одна.

Спина всё так же была прижата к стене, но внутри меня пылал настоящий пожар. Дыхание никак не могло выровняться, грудь прерывисто вздымалась, а ноги до сих пор подкашивались от пережитого эмоционального всплеска.

Я медленно подняла руку и дрожащими подушечками пальцев коснулась своих губ. Они горели, всё ещё храня манящий, терпкий вкус его поцелуя.

И на моём лице помимо воли расцвела счастливая, застенчивая улыбка.

Этот мужчина — жестокий Босс теневого мира, перед которым трепетал весь город, — только что остановился по одному моему слову. Он показал абсолютное уважение к моим чувствам, доказав, что я для него — не просто желанная женщина, а нечто намного большее. И осознание этого отозвалось в моей душе такой мощной волной нежности, что я окончательно поняла: я влюбилась. Безвозвратно и навсегда.

Глава 19

Тишина спальни казалась почти оглушительной после той бури, что только что пронеслась между нами. Я сидела на краю кровати, поджав ноги к груди, и всё ещё ощущала фантомное тепло рук Олега на своей коже. Губы горели, а внутри не утихала сладкая, будоражащая дрожь.

Мысль о том, что произошло — и о том, что чуть не произошло, — не выходила из головы.

Переступить эту черту. Сделать тот самый шаг, после которого обратной дороги уже не будет. Для меня это было не просто эмоциональным порывом. Я ни с кем и никогда ещё этого не делала. Моя невинность не была принципом или какой-то особой гордостью — просто до этого момента в моей жизни не было человека, ради которого хотелось бы рушить свои внутренние стены.

Я обняла свои колени, и в памяти невольно всплыли призраки из моей прежней, университетской жизни.

Антон. Красивый, яркий, привыкший к легкому вниманию девушек. Помню, как он крутился возле меня на первом курсе, бросал двусмысленные намеки и пытался изображать рокового соблазнителя. Но за его красивыми словами и настойчивостью быстро проглядывала банальная фальшь. Антон был типичным бабником. Я для него была лишь очередным вызовом, нераспечатанным подарком, галочкой в спис-

ке личных побед. К счастью, у меня хватило ума и интуиции сразу держать его на расстоянии и не позволить зайти дальше неловких поцелуев на вечеринках.

Потом появился Даня. С ним всё было совсем по-другому — мягко, безопасно и даже трогательно. Даня искренне ухаживал за мной: встречал после сложных пар с горячим кофе, дарил букеты нежных цветов, терпеливо подвозил до дома и слушал мои переживания про зачёты. С ним было уютно, как под теплым пледом в дождливый день. Но за все месяцы его ухаживаний между нами так ничего и не вспыхнуло. Не было той самой искры. Не было чувства, от которого сбивается дыхание, а внизу живота разгорается пожар. Мои колени никогда не дрожали от его прикосновений, а сердце блуждало где-то далеко, даже когда он обнимал меня на прощание.

И вот в мою жизнь ворвался Олег.

С ним не было ничего «безопасного» или «простого». Олег был опасным, властным мужчиной из теневого мира, перед которым трепетал весь город. Но только с ним я впервые в жизни узнала, что такое настоящая, сокрушительная страсть. От его взгляда кровь превращалась в кипяток, от его голоса по коже бежали миллионы мурашек, а от прикосновений тело отказывалось подчиняться разуму.

Но главное было даже не в этой дикой страсти.

Олег — мужчина, привыкший брать всё, что хочет, — остановился. Он не стал давить, не проявил эгоизма, не воспользовался моей слабостью. Он просто поцеловал меня в

висок и сказал: «Я подожду, птенчик».

Я провела пальцами по губам, ловя себя на глубоком, трепетном выдохе.

Страх перед неизотварным первым шагом не исчез окончательно, но теперь он растворялся в океане абсолютного доверия. Я больше не боялась отдаться этому мужчине. Я знала: когда мы переступим эту черту, это будет не из-за давления или манипуляций. Это будет решение двух людей, между которыми вспыхнуло нечто гораздо большее, чем просто влечение.

Мысли в голове кружились сокрушительным вихрем. Эмоции после нашего поцелуя и разговора всё ещё заставляли сердце биться быстрее, а щёки — гореть при каждом воспоминании о его руках. Сидеть в четырёх стенах дальше было просто невыносимо: мне нужно было чем-то занять руки, направить эту бушующую энергию в правильное русло.

И тогда мне в голову пришла простая, но неожиданная мысль.

Я хотела сделать для Олега что-то приятное. Не как загнанная в угол пленница и не как бизнес-партнёр по какому-то контракту, а как женщина, которая искренне заботится о своём мужчине. Приготовить для него ужин. По-настоящему, по-домашнему, вложив в это тепло, которого в этом огромном, суровом доме так давно не было.

Поднявшись с кровати, я направилась вниз, на кухонную территорию.

Огромная, оборудованная по последнему слову техники кухня обычно была владением Марты — пожилой, невероятно доброй женщины с теплыми глазами, которая вела всё хозяйство в доме Олега. Я застала её за перебиранием свежей зелени у раковины.

— Марта? — тихо окликнула я, останавливаясь у порога.

Она обернулась, и её строгое лицо мгновенно озарилось мягкой улыбкой.

— Девочка моя, ты что-то хотела? Тебе принести кофе? Или ты голодна?

— Нет, Марта, я... — я слегка смутилась, чувствуя, как краснеют уши. Но заставила себя подойти ближе. — Я бы хотела попросить у вас помощи. Я хочу сама приготовить сегодня ужин. Для Олега.

Марта замерла. На секунду её глаза удивлённо расширились, а затем в них вспыхнуло такое искреннее, глубокое понимание, что я готова была провалиться сквозь землю от неловкости. Она внимательно посмотрела на меня, словно замечая и моё волнение, и раскрасневшиеся губы, и ту особую перемену, которая произошла во мне после нашей встречи с Олегом в комнате.

— Сама? Для Олега Сергеевича? — тихо, с тёплой ноткой переспросила она.

— Да, — я кивнула, собравшись с духом. — Но я совсем не знаю, где у вас что лежит. И... я не знаю, что он больше всего любит. Вряд ли человеку его уровня можно угодить

простыми блюдами.

Марта отложила зелень, вытерла руки о полотенце и подошла ко мне. Её ладонь мягко опустилась на моё плечо.

— Милая моя, — ласково произнесла она, — Олег Сергеевич может позволить себе шеф-поваров из лучших ресторанов мира, но поверь мне: рестораны не готовят с душой. За все годы, что я здесь работаю, я ни разу не видела, чтобы для него кто-то готовил с любовью. Все видели в нём только сурового Босса.

Она улыбнулась и наставительно подняла палец:

— А насчёт еды... Он не привередлив, хотя многие так думают. Он любит хорошее, сочное мясо — прожарки медиум, с розмарином и чесноком. К нему — запечённый молодой картофель и лёгкий салат из свежих овощей. Никаких соусов из заморских ресторанов. И, конечно, крепкий чёрный кофе без сахара после.

Марта развернулась и начала открывать вместительные шкафчики и холодильник, показывая мне, где находятся специи, свежие вырезки, овощи и посуда.

— Смотри, всё здесь, — она протянула мне фартук. — Я помогу тебе всё приготовить, если хочешь, а остальное сделаешь сама.

Я взяла фартук, надела его и повязала завязки на талии. В груди разлилось удивительное, затаённое чувство уюта и предвкушения. Впервые за всё время пребывания в этом доме я ощутила себя не просто гостьей или защищаемым объ-

ектом. Я была дома. И с нетерпением ждала момента, когда Олег спустится вниз и увидит ужин, приготовленный специально для него.

— Марта, спасибо вам огромное за подсказки, — мягко перебила я её, улыбнувшись и благодарно сжав её руку. — Но правда... я хочу сделать всё сама. От начала и до конца. Пожалуйста, идите отдыхать. Вы и так целыми днями на ногах, а я очень хочу попробовать справиться без помощи.

Марта замерла, внимательно всматриваясь в мои глаза. На секунду в её взгляде мелькнуло сомнение — всё-таки она привыкла держать под контролем всё хозяйство в этом доме, — но затем её лицо окончательно смягчилось. В её теплых глазах зажглись понимание и какая-то почти материнская гордость.

— Ну хорошо, милая, — тихим, ласковым голосом произнесла она, погладив меня по руке. — Не буду тебе мешать. Если что-то не найдёшь — всё в нижних выдвижных ящиках. Ножи на стойке справа. Я пойду к себе в крыло, почи-таю. Удачи тебе.

— Спасибо, Марта, — искренне ответила я.

Она тепло улыбнулась мне напоследок и тихими шагами вышла из кухни, мягко прикрыв за собой дверь.

Я осталась одна в огромной, светлой кухне. Тихо тикали настенные часы, за окном медленно сгущались сумерки, а в воздухе витал лёгкий аромат сушёного розмарина и свежести.

Я сделала глубокий вдох, затянула завязки фартука чуть туже на талии и засучила рукава белой футболки. На душе было удивительно легко и спокойно. Все страхи перед прошлым отца, перед угрозами Завьялова и Маркова ненадолго отступили, освободив место простому, чистому желанию позаботиться об Олеге.

Я подошла к рабочему столу, где лежал красивый отрез свежей мясной вырезки, картофель и сочные овощи. Достала удобный кухонный нож, включила тихую музыку на телефоне и принялась за работу.

Нарезая картофель для запекания и аккуратно маринуя мясо в оливковом масле с чесноком и веточками розмарина, я постоянно ловила себя на том, что улыбаюсь. В памяти всплывали фрагменты нашего недавнего поцелуя, его глубокий взгляд, его низкий голос, шептавший: «Я подожду, птеник».

Каждое движение, каждый нарезанный ломтик наполнялся особым смыслом. Я готовила не просто ужин. Я создавала ту самую крепость уюта и тепла, в которой суровый Босс мафии мог хотя бы на один вечер забыть обо всех войнах теневого мира и почувствовать себя просто любимым мужчиной.

Аромат на кухне стоял просто непередаваемый. Сочный кусок вырезки, обжаренный до идеальной румяной корочки с розмарином и чесноком, уже «отдыхал» на деревянной доске, отдавая соки. Из духовки доносился аппетитный запах запечённого с травами молодого картофеля, а на столе

ждал своего часа свежий, хрустящий салат.

Я окинула взглядом результат своих трудов, и сердце затрепетало от тихой гордости. Почти всё было готово.

Вспомнив совет Марты про чёрный кофе, я взглянула на часы. На улице уже окончательно стемнело, за окнами сгустилась глубокая бархатная ночь. Кофе хорош для работы или бессонных ночей, но сегодня нам обоим нужно было совсем другое — расслабиться, сбросить невыносимый груз напряжения и просто быть рядом.

Я решила, что вино подойдёт идеально.

Подойдя к встроенному винному шкафу с подсвеченными стеклянными дверцами, я приоткрыла его. Внутри стройными рядами лежали десятки бутылок — настоящая коллекция, достойная ценителя с огромными возможностями. Я скользила взглядом по старинным этикеткам, названиям замков и урожайным годам, пока моё внимание не привлекло одно особенное изысканное оформление.

Я аккуратно вытянула бутылку и прочитала надпись на пожелтевшей от времени этикетке: *Domaine de la Romanée-Conti* 1961 года.

Я знала, насколько редким и ценным было это великое бургундское вино. Год, когда урожай считался легендарным. Отец когда-то рассказывал мне о таких бутылках как о настоящих произведениях искусства, которые открывают лишь по самым исключительным поводам.

Я улыбнулась, бережно прижимая прохладную бутылку к

груди. Сегодня был именно такой повод. Наш вечер, наш переломный момент, наше молчаливое признание друг другу.

Достав два изящных хрустальных бокала на тонких ножках, я поставила их на стол рядом со штопором. Довела свечи до готовности, приглушила яркий верхний свет, оставив лишь тёплую, мягкую подсветку над кухонным островом.

Атмосфера в комнате мгновенно изменилась — из строгой, современной кухни она превратилась в уютное, почти интимное убежище, защищённое от всего внешнего мира.

Осмотрев безупречно накрытый стол, мерцающие язычки свечей и тёмный, изысканный силуэт бутылки, я вдруг опустила взгляд на себя.

После готовки, когда в доме стало чуточку прохладнее от вечернего сквозняка, я успела накинуть поверх футболки свой самый уютный, объёмный вязаный свитер.

— Ну нет, толстый свитер явно не подходит для такой атмосферы, — тихо хихикнула я про себя, качнув головой.

Великое романтическое вино, мерцание свечей, изысканный ужин... и я, выглядящая так, будто собралась на прогулку в осенний лесопарк. Это смотрелось бы невероятно комично.

Взглянув на часы, я поняла, что у меня есть буквально пару минут.

Быстро скинув фартук, я на цыпочках помчалась на второй этаж. Вбежав в свою гардеробную, я принялась судорожно перебирать вещи на вешалкам. Вечерние платья в пол от-

падали сразу — это смотрелось бы слишком напыщенно для домашнего ужина. Мне хотелось найти что-то лёгкое, нежное, домашнее, но при этом женственное и манящее.

Заскочив в свою комнату, я прошла в просторную гардеробную. Я распахнула секцию, где висела лёгкая домашняя одежда, и невольно замерла. Моя рука медленно скользнула по рядам гладких, невесомых пижам и халатов из натурального шёлка. Все они появились здесь в самый первый день моего переезда — Олег позаботился об этом заранее, наполнив гардероб всем необходимым до мельчайших деталей. Навряд ли он лично выбирал каждый комплект, но сам факт его внимательности сейчас отозвался во мне трепетным теплом.

И тут мой взгляд остановился на одном конкретном комплекте.

Глубокий, насыщенный винный цвет — точно в тон той легендарной бутылке 1961 года, которую я только что достала. Я вытянула вешалку. Это была невероятно изысканная пижама: струящиеся шёлковые брюки свободного кроя и изящный короткий топ на тонких бретелях, отделанный по краю тончайшим чёрным кружевом.

«Отлично, это именно то, что нужно!» — с улыбкой подумала я.

Комплект идеально балансировал на грани домашнего уюта и манящей, тонкой чувственности. Шёлк был приятным, прохладным на ощупь, а винный оттенок выгодно под-

черкивал белизну моей кожи.

Я быстро скинула джинсы и футболку. Шёлковые брюки мягко заскользили по бёдрам, идеально садясь по фигуре, а топ ласково обнял грудь, оставляя открытыми талию, плечи и ключицы. Нежное кружево едва ощутимо касалось кожи.

Я подошла к ростовому зеркалу и взъерошила пальцами волосы, давая им свободно рассыпаться по плечам. Из зеркала на меня смотрела девушка, в чьих глазах больше не было страха перед прошлым — только ожидание, страсть и искреннее предвкушение прекрасного вечера.

Вспомнив, как этот глубокий винный цвет будет контрастировать с тёмным взглядом Олега, я почувствовала, как по коже пробежала волна мурашек. Сделав глубокий вдох, я выскочила из гардеробной и на цыпочках помчалась вниз на кухню, пока ужин не успел остыть.

Глава 20

Я захлопнул дверь своей спальни и глухо выругался в пустоту комнаты — блять, резко проведя ладонью по лицу.

Чёрт. Какой же идиот.

Я откинулся спиной на закрытую дверь, чувствуя, как под рубашкой бешено колотится сердце. Я ожидал чего угодно — испуга, слез, неловкости, попытки отстраниться после всего того давления, что на неё свалилось. Но я абсолютно не ожидал такой реакции от самого себя.

Стоило ей прижаться ко мне, стоило ощутить её податливость и услышать её дыхание, как весь мой многолетний цинизм, вся железная выдержка и холодный расчет рухнули в одну секунду. Я едва не сорвался. Едва не перешёл ту черту, которую сам же пообещал не трогать, пока она не будет готова на все сто.

В штанах до сих пор было тесно и невыносимо тяжело от пульсирующего, упрямого желания. Тело горело так, будто меня опалили открытым пламенем.

Сбросив проклятую рубашку на пол, я резким движением сорвал с себя ремень и направился прямо в ванную комнату. Мне нужно было остыть. Срочно.

Я встал под ледяные струи душа, надеясь, что шоковая терапия приведёт меня в чувства. Вода обрушилась на плечи ледяным панцирем, но она ни капли не помогала. Кожа

мгновенно покрылась мурашками, но внутренний пожар от этого стал только злее, сосредоточившись где-то под ребрами и внизу живота.

Я зажмурил глаза, упершись ладонями в мокрую кафельную стену перед собой, и попытался выкинуть всё из головы. Но вместо этого перед внутренним взором тут же встала она.

Её взъерошенные волосы, горящие от страсти глаза, мягкие изгибы тела под белой футболкой и тот самый момент, когда её губы приоткрылись.

В ушах снова прозвучал её тихий, надломленный стон: «Олег...».

По телу прокатилась новая, сокрушительная волна горячих мурашек, заставив меня сжать зубы до хруста в челюстях. Вода стекала по лицу, смешиваясь с холодным потом, но мне казалось, что я горю изнутри.

Я выругался во второй раз, уже громче, отключая воду. Я мог подавить любой бунт, мог переломить хребет любому врагу в этом городе, но эта девчонка одним своим присутствием превращала меня в мальчишку.

Замотав полотенце на бёдрах, я вышел из ванной, чувствуя, что холодный душ не принёс абсолютно никакого облегчения. Наоборот — жажда увидеть её снова, прикоснуться, вдохнуть её запах стала почти физической болью.

Ей-богу, мне нужно было срочно чем-то занять мозги, иначе я бы просто выбил её дверь и забрал то, что чуть не стало моим десять минут назад.

Накинув поверх мокрого тела простую чёрную футболку и удобные спортивные брюки, я вышел из спальни и направился прямо в кабинет. Мрачная, знакомая тишина моего рабочего пространства подействовала как холодный компресс на обжжённый разум. Здесь всё было под моим контролем. Здесь правила диктовал я.

Я подошёл к мини-бару, достал массивный стакан из тяжелого хрусталя и налил на два пальца тёмного, выдержанного скотча. Янтарная жидкость обжгла горло, оставляя после себя дымный, торфяной осадок, и на мгновение дала иллюзию возвращающегося контроля.

Опустившись в кожаное кресло за стол, я отпил ещё глоток и открыл ноутбук. Экран вспыхнул, осветив моё лицо холодным голубоватым светом. В защищённом мессенджере уже висело новое сообщение от Влада — моего начальника службы безопасности и самого доверенного человека в делах синдиката.

Я кликнул по зашифрованному файлу.

Влад не писал понапрасну. Если он присылал отчет в такой час, значит, земля под ногами Маркова и Завьялова начала подгорать.

«Босс, мы пробили счета, указанные в архиве Андрея. Всё сходится. Завьялов за последние двое суток трижды связывался с людьми Маркова через закрытые каналы связи. Они паникуют. Похоже, до них дошли слухи, что архив отца Николь находится у нас. Марков собирает своих людей на

старом складе в портовой зоне. Похоже, планируют что-то крупное».

Я вчитался в строки, и внутри меня мгновенно проснулся холодный, расчетливый хищник. Вся остаточная страсть, все романтические мысли тут же отошли на второй план, уступив место военной стратегии.

Завьялов и Марков загнали себя в угол. Они понимают, что если данные из архива Андрея пойдут в ход, их теневой клан развалится за считанные часы — Завьяловым займутся спецслужбы, а с Марковым расправятся мои люди. Они будут действовать жестко, с отчаянием обречённых.

Я сделал очередной глоток виски, чувствуя, как внутри закипает чистая, ледяная ярость.

— Ну давайте, твари, — глухо проговорил я в пустую комнату, сжимая стакан так, что хрусталь жалобно заскрипел. — Сделайте один неверный шаг.

Они думали, что всё ещё ведут игру. Они не знали, что я уже видел все их карты и ждал лишь удобного момента, чтобы закрыть эту главу раз и навсегда.

Отправив Владу короткое: «Усиль охрану периметра дома. Завтра утром жду тебя с группой», я закрыл ноутбук. Жгучая жажда расправы с врагами смешалась с осознанием того, что мне предстоит защитить Николь любой ценой.

Почувствовав, как голод подступает к горлу — за весь этот сумасшедший день я так ничего и не съел, — я поднялся из-за стола и решил спуститься вниз, чтобы налить себе хотя

бы кофе.

Я спускался по лестнице, стараясь ступать как можно тише. Голодный желудок сводило, а в голове всё ещё кипел план по нейтрализации Завьялова и Маркова. Мне нужен был крепкий кофе, чтобы окончательно собраться с мыслями перед завтрашней бойней.

Я тихо подошёл к двери кухни и, приоткрыв её, замер на пороге.

Картина, открывшаяся моим глазам, заставила меня мгновенно забыть о Маркове, о Завьялове, о мафии и о го-лоде.

На огромном кухонном островке, который обычно был центром функциональной рабочей зоны, теперь царила совершенно иная атмосфера. Мягкий, тёплый свет струился от зажженных свечей, создавая уютное, почти интимное сияние. На безупречно белой скатерти были расставлены изящные тарелки, блестящие столовые приборы и два хрустальных бокала. Изящная бутылка, которую я сразу узнал как *Domaine de la Romanée-Conti 1961* года, стояла по центру.

А возле стола стояла она. Николь.

Она повернулась ко мне спиной, склонив голову и сосредоточенно разливая вино по бокалам. Мягкий свет свечей подсвечивал её изящную фигуру, и я почти физически ощутил, как по телу прокатывается горячая волна.

На ней была пижама. Шёлковые брюки глубокого винного цвета мягко струились по её стройным ногам, а короткий

топ с тонкими бретелями и кружевной отделкой оставлял открытыми изящную линию ключиц, плечи и талию.

Мой взгляд скользнул по ней сверху вниз, затем вверх, задерживаясь на каждом изгибе, на каждом миллиметре открытой кожи. Она была невероятно, чертовски красива. Домашняя, нежная, и в то же время — дико, первобытно сексуальная в этом простом, но так идеально сидящем на ней винном шёлке.

Тонкие бретели топа сползли чуть ниже, обнажая ещё больше кожи на плечах, и мне стоило огромных усилий не сорваться с места, чтобы подойти и провести языком по этой линии.

В моих глазах снова вспыхнул тот самый огонь, который я с таким трудом потушил в своей спальне. Холодный душ, виски и отчёт Влада оказались бессильны против этого зрелища.

Она стояла, склонив голову, не зная, что я уже здесь. Не зная, что каждый миллиметр её тела сейчас пронзает меня насквозь. Не зная, что в эту секунду я готов был сжечь к чёртовой матери весь свой клан, всех Марковых и Завьяловых, чтобы просто подойти, обнять её и не отпускать до самого утра.

Я шагнул вперёд бесшумно, словно хищник, привыкший приближаться к цели без единого звука. Мои шаги утопали в мягком покрытии пола, и Николь по-прежнему ничего не замечала, сосредоточенно следя за тем, чтобы вино в бока-

лах легло ровной, красивой линией.

Я остановился прямо за её спиной. От неё исходил тот самый лёгкий, сладковатый аромат шоколадного геля вперемешку с тонким шлейфом ванили. Этот запах мгновенно кружил голову, заставляя забыть обо всём на свете.

Не сдерживая больше ни секунды голода, я медленно протянул руку и едва ощутимо, кончиками пальцев, провёл по обнажённой полоске её кожи на талии — как раз между свободными шёлковыми брюками и коротким топом.

Николь резко вздрогнула от неожиданности, её рука дрогнула, едва не расплескав вино, а само тело мгновенно напряглось, замирая в моих руках.

— Привет, Птенчик, — низким, бархатистым шёпотом произнёс я прямо у её уха, чувствуя, как моё дыхание касается её раскалённой кожи.

Она медленно обернулась. В её глазах, когда она встрети­лась со мной взглядом, не было испуга — лишь искра удивления, сменившаяся глубоким, тёплым светом.

Николь мягко, почти застенчиво улыбнулась, и это зрелище пробило насквозь всю мою броню.

— Привет, Олег, — так же тихо ответила она, не отступая ни на шаг, позволяя мне прижаться к ней ещё ближе. — Ты как раз вовремя. Ужин остынет.

В голове мгновенно вспыхнула дикая, жадная мысль: «На ужин я хочу тебя». Эти слова вертелись на кончике языка, откровенные и срывающие любые маски, но вслух я их про-

износить не стал. Рано. Я дал себе слово подождать, и сейчас мне приходилось сдерживать бушующую внутри бурю.

Вместо этого я медленно скользнул ладонью с её талии ниже, нежно проведя кончиками пальцев по её предплечью до самого запястья, чувствуя, как под кожей учащённо бьётся пульс. Николь замерла, доверительно расслабившись в моих руках.

Я наклонился ближе и оставил долгий, влажный поцелуй на её чувствительной шее, чуть ниже мочки уха.

Николь судорожно, тяжело выдохнула, её плечи мелко задрожали, а пальцы инстинктивно упёрлись в край кухонного острова, удерживая равновесие. От её сладкого аромата и этого звука у меня в груди всё сжалось в тугий узел.

Я отстранился ровно настолько, чтобы заглянуть ей в глаза, и тихо, с хрипотцой в голосе произнёс:

— Я... не ожидал, что ты сделала это специально для меня.

Мой взгляд скользнул по изящно накрытому столу, мерцающим свечам, бокалам с элитным вином и тарелке с безупречно приготовленным мясом. За всю мою жизнь никто и никогда не делал для меня ничего подобного. Ни одна женщина не пыталась окружить меня таким теплом, не старалась укрыть от жестокости моего мира с помощью домашнего ужина и горячей заботы.

Николь слегка покраснела, но отвела взгляд лишь на секунду, после чего снова посмотрела на меня прямо и открыто. На её губах заиграла мягкая, смущенная, но невероятно

гордая улыбка.

Я решил не испытывать судьбу. Ещё десять секунд такой близости, этого сводящего с ума шёлка под моими пальцами и её тихого выдоха — и ужин полетел бы на пол, а моё обещание подождать было бы со свистом провалено. С большим трудом заставив себя сделать шаг назад, я разорвал дистанцию и глубоко вдохнул прохладный воздух кухни.

Я бережно отодвинул для неё высокий барный стул у островка, помогая устроиться, а затем сел напротив.

Напряжение в воздухе постепенно сменялось чем-то невероятно уютным. Я взял приборы, отрезал небольшой кусочек мяса, который Николь так заботливо замариновала, и отправил его в рот.

Боже.

Я невольно прикрыл глаза, и из моей груди вырвался тихий, хриплый стон чистого наслаждения. Мясо было идеальным — сочным, мягким, с тонким ароматом чеснока и розмарина. Ни один шеф-повар в лучших заведениях города, где я привык ужинать, не готовил так. В этой еде была душа. Её душа.

— Это великолепно, детка, — выдохнул я, открывая глаза и глядя на неё.

Николь смущённо улыбнулась. Густой румянец залил её щёки, но она не отвела взгляд, а посмотрела мне прямо в глаза — открыто и невероятно нежно.

— Я старалась, — тихо сказала она, и в её голосе прозвуч-

чало столько искренней радости от моей похвалы, что у меня внутри потеплело.

Она сделала небольшой глоток тёмно-рубинового вина из своего бокала, задумчиво посмотрела на танцующее пламя свечи, а затем перевела взгляд на меня. Её пальцы слегка сжали тонкую ножку хрусталя.

— Расскажи мне что-нибудь о себе, — тихо, почти шёпотом попросила она. — Я ведь... совсем тебя не знаю. Знаю только слухи, знаю то, о чём говорят на улицах. Но я хочу узнать настоящего Олега.

Её вопрос застал меня врасплох.

Я замер с вилкой в руке. В моём мире никто никогда не спрашивал меня о том, какой я человек. Мои люди ждали от меня приказов, враги — жестокости, партнёры — выгоды. Для всех я был Орловым, Боссом мафии, безжалостным лидером, который держит в страхе весь город. Никого не интересовало, что у меня внутри, о чём я думаю, когда остаюсь один, или каким я был до того, как надел эту невидимую корону.

Николь была первой, кто захотел заглянуть за этот фасад. И, чёрт возьми, ради неё я был готов этот фасад разрушить.

Я посмотрел на неё — на её подсвеченное мягким пламенем свечи лицо, на то, как она робко, но решительно ждала моего ответа. Мой стакан с виски остался стоять на краю стола, а вместо него я взял свой бокал с вином. Насыщенный рубиновый цвет всколыхнулся, отражая тёплые блики.

Я сделал глоток великого бургундского, давая себе секунду, чтобы переварить её слова. Николь была моей женой, пусть наш брак и начался как вынужденная сделка. И теперь, когда я знал, что её отец доверил мне её жизнь, скрывать своё прошлое казалось предательством.

Я поставил бокал на стол, слегка пододвинулся ближе и прямо посмотрел в её тёмные, внимательные глаза.

— Спроси то, что тебе действительно интересно, птенчик, — тихо сказал я, и мой голос прозвучал удивительно мягко для меня самого. — Спроси, и я отвечу. На любой вопрос. Обещаю.

Николь затаила дыхание. Она не ожидала, что я соглашусь так легко. Её пальцы сильнее сжали ножку бокала, а на губах отразилась тень сомнения, которая быстро сменилась твёрдой решимостью.

— Откуда ты, Олег? — спросила она так тихо, что её голос едва перекрывал потрескивание свечей. — Кто твои родители? И... почему ты стал тем, кем стал? Почему выбрал этот путь?

Я усмехнулся — без горечи, скорее с лёгкой иронией к собственной судьбе. Откинулся на спинку стула и устремил взгляд куда-то сквозь неё, возвращаясь в те времена, которые так тщательно пытался похоронить.

— Я родился на окраине Приморска, — мой голос прозвучал глухо, отражаясь от стен уютной кухни. — В районе, который местные называли «Ржавым поясом». Огромные за-

воды, вечный дым из труб и люди, которые забыли, как улыбаться. Там море не кажется красивым — оно холодное, маслянистое от мазута и всегда пахнет железом.

Я посмотрел на Николь. Она слушала, не шевелясь, и в её глазах отражалась вся боль той истории, которую я ей открывал.

— В Приморске либо ты работаешь на заводе за копейки, либо идешь в порт грузчиком, либо... — я сделал паузу и усмехнулся. — Либо ты строишь свой собственный мир, где никто не посмеет диктовать тебе условия. Я выбрал третье. И теперь этот город, который когда-то пытался меня раздавить, принадлежит мне.

Николь медленно протянула руку через стол и коснулась моих пальцев. Её кожа была такой теплой по сравнению с моими ледяными воспоминаниями.

— И тебе совсем не жаль того мальчика из «Ржавого пояса»? — тихо спросила она.

Я перевернул руку и переплел свои пальцы с её.

— Жаль? Нет, Николь. Я благодарен ему. Если бы не он, я бы не стал тем, кто сможет защитить тебя сегодня.

— Мой отец был простым рабочим на заводе. Честным, работающим мужиком. Он верил в справедливость и в то, что если много работать, то всё будет хорошо. Но в нашем мире честность — это слабость. Его подставили на работе, повесили огромный долг, который он физически не мог отдать. Местные бандиты, те самые, которые тогда держали район,

отобрали у нас всё. Отец не выдержал этого позора и сломался. Его сердце остановилось, когда мне было всего четырнадцать.

Николь тихо ахнула, её глаза наполнились сочувствием, но я качнул головой, показывая, что жалость мне не нужна. Это было просто фактом моей биографии.

— Мать пыталась вытащить нас из этой ямы, работала на трёх работах, пока буквально не сгорела от болезни через пару лет после отца. Я остался один. И у меня было всего два пути: либо тихо сдохнуть в подворотне от голода и дешёвой дури, как делали мои сверстники, либо стать сильнее тех, кто сломал мою семью.

Я посмотрел на Николь, ловя каждый отблеск свечи в её глазах.

— Я выбрал второй путь. Я начал с самых низов. Был уличным бойцом, дрался за каждый переулок. Я понял одну простую истину: в этом мире безопасность и уважение не даются просто так. Их можно только забрать силой. Я не хотел больше никогда чувствовать себя беспомощным мальчиком, у которого отбирают последнее. Я хотел сам диктовать правила.

Я замолчал, чувствуя, как воспоминания тяжелым грузом ложатся на плечи.

— Я стал Боссом мафии не потому, что мне нравилась кровь или насилие, Николь. А потому, что это был единственный способ выжить и подняться на вершину, где никто

и никогда больше не сможет причинить мне боль. Или тем, кто мне дорог.

Я сделал небольшую паузу и добавил, глядя на её шёлковый топ винного цвета:

— Твой отец знал мою историю. Он знал, что я зубами выгрыз свою власть. И он знал, что человек, который прошёл через такой ад, никогда не отдаст то, что поклялся защищать.

Николь сделала медленный глоток вина, не сводя с меня внимательного, тёмного взгляда. Моя история о нищем детстве на окраине Приморска и «Ржавом поясе» явно отпечата­лась в её памяти, но я видел: в её голове крутились новые вопросы.

Она поставила бокал на стол, чуть накренилась ко мне через кухонный островок, и огонёк свечи отразился в её зрачках.

— А сейчас? — тихо спросила она, и в её голосе звучала не просто любопытство, а желание понять каждую деталь моей жизни. — Что на самом деле представляет собой твоя мафия, Олег? В кино это всегда показывают красивыми костюмами и перестрелками. Но чем занимается твой клан? Чем правишь ты?

Я усмехнулся, опершись локтями о стол и переплетя пальцы. Я обещал ей честность, и замалчивать грязь своего бизнеса не собирался.

— В кино показывают романтику, Николь. В реальности мафия — это жестокая, идеально выстроенная корпорация,

где ошибки стоят жизни, — начал я, и мой голос прозвучал сурово и веско. — Мой главный актив в Приморске — это контроль над портом и международными логистическими путями. А основа моей власти... это оружие.

Николь чуть приоткрыла губы, затаив дыхание, но не отпрянула.

— Контрабанда оружия, — продолжил я, не спуская с неё глаз. — Через порт Приморска ежедневно проходят тысячи контейнеров со всего мира. Но только избранные знают, что летит в трюмах немаркированных судов. Автоматическое оружие, тяжелая амуниция, взрывчатка, высокотехнологичные армейские разработки. Я контролирую эти каналы. Мы принимаем груз, переправляем его через границу и снабжаем тех, кто готов платить миллионы.

— И где всё это хранится? — спросила она, проницательно уловив суть.

— Склады, — коротко ответил я. — Портовая зона буквально изрезана подпольными терминалами и огромными ангарами. Это сердце моей империи. Мои склады в Приморске — как подземные крепости. Там хранятся нелегальные арсеналы, от которых зависит баланс сил не только в этом городе, но и за его пределами. Кто держит склады — тот держит весь теневой рынок.

Я сделал паузу, взяв в руку бокал, и пригубил винный шедевр 1961 года.

— И именно поэтому Марков и Завьялов так отчаянно

пытаются меня убрать, — добавил я, глядя прямо на неё. — Маркову нужны эти склады и каналы контрабанды, чтобы стать главным поставщиком на чёрном рынке. А Завьялов, используя свой чиновничий пост, годами прикрывал поддельные таможенные декларации для их тайного альянса. Они хотели отжать мою логистику и превратить Приморск в свой личный перевалочный пункт.

Николь молчала пару секунд, переваривая услышанное. Она не выглядела испуганной — скорее собранной и невероятно взрослой. В её винном шёлковом топе, с горящими свечами на заднем плане, разговоры о контрабанде оружия и мафиозных складах смотрелись дико, но в то же время настраивали между нами абсолютную, ничем не прикрытую связь.

— И они правда думают, что смогут забрать всё это у тебя? — тихо спросила она, и в её тоне проскользнула неожиданная, звенящая гордость за меня.

— Думали, — я едва заметно улыбнулся, протянул руку через стол и накрыл её ладонь своей. — Но они забыли одну простую вещь, птенчик. Склады, оружие и этот город — я не просто получил по наследству. Я завоевал их с боем. И никто — ни Завьялов, ни Марков — не сможет забрать то, что принадлежит мне. Включая тебя.

Время за разговором пролетело незаметно. Вино в бокалах давно закончилось, свечи догорали, отбрасывая на стены кухни длинные, пляшущие тени, а в воздухе всё ещё витал

аромат ужина и ванили.

Мы закончили есть. Я откинулся на спинку стула, наблюдая за Николь. Впервые за долгое время — а может, и за всю мою жизнь — я ловил себя на странном, непривычном чувстве.

Мне чертовски понравился этот вечер.

Здесь не было суеты, не было часовых переговоров с вооруженной до зубов охраной за спиной, не было вечного ожидания удара в шею. Была только эта кухня, мерцающий свет, невероятно вкусно приготовленная еда и девчонка в винном шёлке, которая смогла заглянуть мне в самую душу. На какую-то пару часов я абсолютно забыл об отчетах Влада, о готовом вспыхнуть бунте в Приморске и о сокрушительной войне с кланом Завьялова.

Внутри зародилась непривычно теплая, глубокая мысль: мы выглядим так, будто действительно являемся нормальной, настоящей семьей.

Не браком по холодному расчету или спасательным контрактом, который придумал её отец, а мужчиной и женщиной, у которых есть свой дом, свой уют и своё общее настоящее. И эта мысль отозвалась во мне неожиданно мощным приливом защитнического инстинкта. Я сделаю всё, чтобы этот уют у нас никто не отобрал

Николь поднялась со своего стула и тянулась за пустой тарелкой, но я мгновенно перехватил её запястье.

— Сиди, птенчик, — тихо сказал я, поднимаясь вслед за

ней. — Я сам.

— Олег, ты и так устал, я могу всё убраться... — попыталась возразить она смущенно, но я лишь качнул головой и слегка подтолкнул её обратно.

— Ты приготовила потрясающий ужин. Уборка на мне. Это не обсуждается.

Я собрал посуду с кухонного острова, перенёс её к раковине и принялся аккуратно загружать тарелки и приборы в посудомоечную машину. Было что-то дикое и одновременно до безумия правильное в том, как Глава криминального синдиката Приморска, человек, чьё имя заставляло бледнеть бандитов, сейчас спокойно стоял на кухне и загружал посудомойку, чтобы облегчить жизнь своей жене.

Захлопнув дверцу и нажав на кнопку запуска, я вытер руки полотенцем и повернулся к Николь. Она стояла у стола, задумчиво задувая свечи, и по её губам кочевала лёгкая, невероятно нежная улыбка.

Я подошёл к ней со спины, чувствуя, как этот уютный вечер плавно подходит к концу, но оставляет после себя нечто такое, что изменило нас обоих навсегда.

Глава 21

Мы молча поднялись по широкой деревянной лестнице на второй этаж. За окнами уже стояла глухая, непроглядная ночь, и дом погрузился в полумрак. Контраст между теплом, уютной беседой на кухне и холодным тихим коридором оказался настолько резким, что у меня внутри всё сжалось.

Каждый шаг, приближавший меня к двери моей комнаты, отзывался тоской. Я физически не хотела снова оставаться одна.

После всего того, что мы пережили за этот день — после тяжелой правды об отце, после нашей вспышки страсти у стены и этого невероятного, откровения за ужином, — мысль о том, чтобы закрыться в четырех стенах и опять погрузиться в свои страхи, казалась невыносимой. Мне отчаянно нужно было его тепло. Но первой попроситься к нему я просто стеснялась, не зная, как он расценит.

Я остановилась на пороге своей спальни и медленно повернулась к Олегу, собираясь сказать банальное «доброй ночи».

Но сказать ничего не успела.

Олег сделал быстрый шаг вперед, сократив последнее расстояние между нами, и его широкая, горячая ладонь уверенно и мягко легла на мою талию, притягивая меня ближе к себе. Я ахнула, оперевшись ладонями в его грудь, чувствуя

под его черной футболкой ровный, сильный ритм сердца.

Он наклонился ко мне, и его низкий, бархатистый голос прозвучал прямо над моим ухом, заставив мурашки волной пробежать по всей спине:

— Останься сегодня со мной, — прошептал он, и в его тоне прозвучала неожиданная, глубокая нежность, от которой у меня перехватило дыхание.

Его пальцы чуть сильнее сжали мою талию сквозь винный шёлк пижамы, но в этом не было давления — только огромная, защитническая сила.

— Обещаю, я не нарушу твои границы, Николь, — продолжал он, слегка отстраняясь и смотря мне прямо в глаза. В его тёмном взгляде больше не было той сжигающей, дикой страсти, от которой мне становилось страшно — там читалась абсолютная, несокрушимая надёжность. — Ты будешь в полной безопасности. Я просто хочу, чтобы ты спала в моей кровати. Рядом со мной.

Моё сердце сделало сумасшедший кувырок, а затем забилось ровно и сладко.

Слова застряли в горле. Все мои сомнения и робость мгновенно испарились, уступив место оглушительному облегчению. Ему не нужно было повторять дважды. Я тихо кивнула, накрыла его ладонь своей и сделала шаг вслед за ним по коридору — прямо в его спальню, чувствуя, что впервые за долгое время обрела место, где могу спать абсолютно спокойно.

Я сделала глубокий вдох и шагнула за Олегом в его спальню.

В комнате царил полумрак. Единственным источником света была небольшая, стильная лампа на прикроватной тумбочке, отбрасывавшая тусклое, тёплое сияние. Оно мягко касалось стен, сделанных из темного дерева, и тяжелых штор, полностью скрывавших внешние окна. В воздухе витал тонкий, мужественный аромат Олега — древесные нотки парфюма вперемешку с чем-то неуловимо свежим и терпким.

Мой взгляд сразу упал на огромную кровать посреди комнаты. На ней было расстелено безупречно чёрное постельное бельё из плотного, дорогого шелка.

Я тихо подошла к кровати и присела на самый край, опустив ноги на пол. Моё движение было таким неуверенным, таким осторожным, что Олег, который только что закрыл за нами дверь, тут же заметил мою робость.

Он подошёл к кровати, медленно опустился рядом со мной и посмотрел мне прямо в глаза, взяв мои ладони в свои.

— Не будь как гостя, Николь, — тихо сказал он, и в его голосе прозвучало столько нежности и одновременно властной, глубокой заботы, что у меня внутри всё сжалось. — Это теперь твой дом. И эта кровать... тоже твоя.

Его пальцы чуть сильнее сжали мои, передавая тепло и уверенность.

Я посмотрела на него. В его тёмных глазах не было ни те-

ни принуждения, лишь глубокое, искреннее желание, чтобы я чувствовала себя здесь в безопасности и комфорте. Впервые за долгое время его слова отозвались во мне ощущением настоящего, надёжного убежища. Дом. Кровать. Его слова звучали так просто, но для меня они значили целый мир.

Я медленно кивнула, позволяя себе отпустить напряжение, которое даже не осознавала. Отпустила свои ладони от его пальцев и протянула руку к тёмному одеялу, нежно коснувшись его гладкой поверхности.

Его слова — твой дом, твоя кровать — были для меня не просто приглашением остаться на ночь. Это было обещание будущего, в котором я могла наконец найти покой рядом с ним.